

**Автономная некоммерческая организация высшего образования
«Поволжская академия образования и искусств
имени Святителя Алексия, митрополита Московского»**

Кафедра филологии
Секция русского языка и литературы

Направление подготовки 45.03.01 Филология
Направленность (профиль) «Отечественная филология (русский язык и литература)»

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

на тему:

Функционирование архаической лексики в романе А.Н. Толстого «Петр Первый»

Выполнила студентка
5 курса группы ОФз-501
заочной формы обучения
Максименко Ирина Евгеньевна

(подпись)

Научный руководитель
Венгранович Марина
Александровна,
доктор филологических наук,
доцент

(подпись)

Допустить к защите:

Заведующий кафедрой

русского языка и литературы _____ М.А. Венгранович

(подпись)

«__» _____ 2022 г.

Тольятти

2022

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	8
ГЛАВА 1. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ АРХАИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ	13
1.1 Устаревшая лексика в лексической системе современного русского языка	13
1.2 Виды архаической лексики.....	18
1.3 Стилистическое использование архаизмов в художественном тексте.....	23
ВЫВОДЫ К 1 ГЛАВЕ	29
ГЛАВА 2. ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АРХАИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В РОМАНЕ А.Н. ТОЛСТОГО «ПЕТР ПЕРВЫЙ»	31
2.1 Жанровое и стилистическое своеобразие романа А.Н. Толстого «Петр Первый»	31
2.2 Историзмы и их функции в романе.....	37
2.3 Архаизмы как стилистическое средство в тексте романа	46
ВЫВОДЫ К 2 ГЛАВЕ	56
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	58
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	60
ПРИЛОЖЕНИЕ А. ИСТОРИЗМЫ В РОМАНЕ А.Н. ТОЛСТОГО «ПЕТР ПЕРВЫЙ»	70
ПРИЛОЖЕНИЕ Б. АРХАИЗМЫ В РОМАНЕ А.Н. ТОЛСТОГО «ПЕТР ПЕРВЫЙ»	83

ВВЕДЕНИЕ

Современный русский язык представляет собой многоуровневую систему, включающую различные пласты, которым присущи специфические особенности функционирования составляющих их языковых единиц. Самым подвижным и подверженным изменению уровнем языка является лексика: в языке происходит непрерывный процесс появления новых слов и выхода из употребления старых. Один из лексических пластов составляет лексика, вышедшая за пределы активного словарного запаса в различные периоды развития языка. Причины архаизации лексики могут быть как собственно лингвистическими (процесс образования синонимов, развитие омонимии, изменение семантических границ слов и др.), так и экстралингвистическими (развитие общественных отношений и научно-технический прогресс, приводящие к исчезновению обозначаемых устаревающими словами предметов и явлений, эвфемизация, табуирование и др.). Актуальность изучения архаической лексики обосновывается, в первую очередь, необходимостью диахронического подхода в изучении языка как подвижной системы: «В языке выражается вся жизнь народа... Язык – плод тысячелетнего исторического движения и множества переворотов. Определить его не иначе можно, как путем генетическим, отсюда необходимость исторического исследования» [Буслаев 1844: 51].

При этом архаическая лексика, несмотря на её пассивизацию, продолжает функционировать в современном русском языке в составе фразеологизмов, в научных текстах исторической направленности, а также в художественных и публицистических текстах, выполняя в них ряд стилистических функций. Таким образом, исследование архаической лексики представляется актуальным направлением в изучении современного русского языка, т.к. данный пласт лексики не был вытеснен за пределы языка полностью, сохранившись в системе языка как один из её элементов.

Пласт архаической лексики сам по себе представляет собой сложную систему языковых единиц, различающихся по семантике (с возможностью

выделения ряда тематических групп), по причине архаизации (историзмы и архаизмы), по периоду устаревания и т.д. Каждый из данных аспектов представляет интерес для исследования и описания закономерностей, характерных для того или иного типа архаической лексики.

Данное исследование основывается на тексте художественного произведения, исторического романа А.Н. Толстого «Петр Первый». Тексты художественного функционального стиля отличаются своей разнородностью, в них активно используются разностилевые элементы, зачастую наблюдается смешение высокого, книжного стиля и просторечия, канцеляризмы могут быть использованы наряду с церковной (конфессиональной) лексикой и т.д. Безусловно, архаическая лексика также широко представлена в текстах художественного стиля, особенно относящихся к соответствующим жанрам: историческому роману и повести, роману-эпопее, лирическим жанрам. Особенности художественного текста, как объединяющего элементы различных стилей, позволяют не только провести анализ архаической лексики, но и рассмотреть особенности её употребления в контексте взаимодействия с элементами других функциональных стилей. Таким образом, художественный текст выступает уникальным объектом лексикографического исследования, позволяющим провести наиболее комплексное исследование того или иного лексического пласта, в частности, архаической лексики. Более того, анализ каждого конкретного текста позволяет также составить представление об индивидуально-авторских приёмах работы с теми или иными языковыми единицами, что также является интересным аспектом исследования лексики данного типа.

Объектом исследования выпускной квалификационной работы является архаическая лексика русского языка.

Предмет исследования: функционирование архаической лексики в тексте романа А.Н. Толстого «Петр Первый».

Цель выпускной квалификационной работы: выявление особенностей функционирования историзмов и архаизмов в тексте романа А.Н. Толстого «Петр Первый».

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Изучить научную и учебную литературу, посвященную процессам архаизации лексики русского языка.
2. Ознакомиться с основными способами классификации архаической лексики.
3. Выявить жанровые и стилистические особенности произведения А.Н. Толстого «Петр Первый» как исторического романа.
4. Проанализировать особенности функционирования историзмов в тексте рассматриваемого произведения А.Н. Толстого.
5. Выявить характерные для романа А.Н. Толстого особенности функционирования архаизмов как стилистического средства.
6. Обобщить результаты исследования.

Основными методами исследования в данной работе являются следующие методы научного исследования: описание, аналогия, анализ, синтез, классификация, семантико-стилистический анализ, метод сплошной выборки.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Стилистические функции и особенности функционирования используемой в тексте романа А.Н. Толстого «Петр Первый» архаической лексики различаются в зависимости от типа лексики по признаку причины устаревания.
2. Выделяются две основные функции стилистического использования архаической лексики романа: а) создание целостного образа исторической эпохи, в том числе языковых особенностей, в рамках следования принципу историзма; б) речевая характеристика героя романа как относящегося к описываемой эпохе.

3. Широкое тематическое разнообразие используемых А.Н. Толстым историзмов связано со спецификой текста исторического романа и способствует созданию целостного образа описываемой исторической эпохи.

4. Архаизмы представлены в тексте романа «Петр Первый» преимущественно в составе прямой речи персонажей, таким образом лексика данной группы выступает средством речевой характеристики героя, определяя его как принадлежащего к описываемой исторической эпохе.

5. Активное использование архаической лексики различных типов демонстрирует высокий уровень писательского мастерства автора, свободно обращающегося с лексикой пассивного словарного запаса современного русского языка, характерной для изображаемого исторического периода.

Основными работами, послужившими теоретической базой исследования, являются научные статьи «Жанр исторического романа в творчестве А.Н. Толстого» Х.Н. Темаевой (2020), «Роман "Петр Первый" как новый этап развития исторического романа» А.М. Лобина (2004), «О документальных источниках романа А.Н. Толстого «Петр Первый»» А.С. Акимовой (2018), а также энциклопедические статьи А.С. Белоусовой «Устаревшие слова» (1979) и «Архаизмы» (1997). Также в работе использовались труды таких исследователей устаревшей лексики русского языка, как Орлова И.А., Махиборода А.Ф., Седина И.В., Фалина Е.Н., Емельянова О.Н., Курико Е.В. и других.

При работе над исследованием нами было использовано несколько источников, посвященных литературоведческому исследованию романа А.Н. Толстого «Петр Первый», таких авторов, как Шубина Н.Г., Акимова А.С., Харитоновна О.А., Кодзоева Ф.З, а также материалы, посвящённые исследованию архаизмов (Камаева Р. Б., Вороничев О.Е., Щелок Т.И., Коростелева Т.В., Голованевский А.Л.) и историзмов (Горшкова Л.А., Кольцова Л.М., Швецова О.А.).

В ходе проведения лексического анализа нами были использованы материалы словарей, в том числе «Толкового словаря русского языка: 80 000

слов и фразеологических выражений» Ожегова С.И. и Шведовой Н.Ю. (2006), «Толкового словаря современного русского языка» Ушакова Д.Н. (2005), «Нового словаря русского языка» Ефремовой Т.Ф. (2000) и других.

Основным художественным источником исследования послужил текст романа А.Н. Толстого «Петр Первый» (изд. 1980).

Научная новизна исследования заключается в проведении комплексного анализа функционирования в романе А.Н. Толстого «Петр Первый» архаической лексики (как архаизмов, так и историзмов), их классификации и описания закономерностей стилистического употребления различных типов лексики.

Теоретическая значимость работы заключается во внесении определенного вклада в теорию и практику современной лексикологии и литературоведения. Результаты исследования не только уточняют сложившиеся представления об особенностях употребления архаической лексики в художественном тексте, но и выявляют индивидуально-авторские приемы использования историзмов и архаизмов, что позволяет составить более полное представление о творческом методе А.Н. Толстого.

Практическая значимость работы заключается в возможности использовать результаты настоящего исследования в качестве базы для последующего изучения данного вопроса, а также в педагогической деятельности: как при изучении современного русского языка, так и при знакомстве с творчеством А.Н. Толстого в школьном курсе русской литературы. За счет отнесенности темы исследования к смежной научной области, данная работа представляет собой базу для дальнейших методических разработок в перспективной области межпредметного знания.

Структура данной выпускной квалификационной работы подчинена логике исследования и состоит из введения, двух глав, заключения, библиографического списка, насчитывающего 78 источников, и двух приложений.

ГЛАВА 1. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ АРХАИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

1.1 Устаревшая лексика в лексической системе современного русского языка

Лексическая система современного русского языка не является однородной: исследователями выделяются отдельные лексические группы в зависимости от различных факторов. К числу данных факторов относятся: происхождение лексемы, сфера её употребления, степень современности, принадлежность к функциональному стилю, а также эмоционально-стилистическая окраска [Розенталь 2002]. Рассмотрим кратко все элементы данной классификации.

По происхождению выделяются исконно русские (индоевропейская, общеславянская, восточнославянская (древнерусская), собственно русская лексика [Горская 2008]) и заимствованные слова.

В классификации по сфере употребления различают: общеупотребительные (стол, ходить), диалектные (кочет (петух), гуторить (говорить)), специальные (термины и профессионализмы) и жаргонные лексемы.

По степени современности выделяются новые (неологизмы (лунография, интернет)), окказионализмы (отоснилась (С.А. Есенин)) и устаревшие (архаизмы, историзмы) слова.

Определяя принадлежность лексемы к функциональному стилю, в первую очередь, обращают внимание на то, является ли она общеупотребительной или закреплена за определённым стилем. Во втором случае выделяются две объёмные группы: книжные и разговорные слова, причём внутри первой группы выделяются лексемы, относящиеся к а) научному (метафора, квант), б) публицистическому (кооперация, демократия) или в) официально-деловому стилю (предписание, потерпевший).

Определяя специфику эмоционально-стилистической окраски слов, выделяют следующие лексические группы: высокая лексика (лик, низвергнуть), нейтральная (рука, любить) и сниженная (морда, ляпнуть).

Таким образом, лексика русского языка представляется как система пластов, различных по происхождению и характеру функционирования. Одним из таких пластов является устаревшая лексика, рассматриваемая в данной работе.

Говоря о понятии устаревшей лексики, обратимся к определениям исследователей. А.С. Белоусова пишет: «Устаревшие слова – слова современного русского языка, вышедшие из активного употребления, но сохранившиеся в пассивном словаре и в большинстве своём понятные носителям языка, напр.: аршин, бонна, вран, конка» [Белоусова 1979: 360]. Схожее определение приводится в Стилистическом энциклопедическом словаре русского языка: «Устаревшие слова – обобщающее понятие по отношению к терминам историзмы и архаизмы – слова, ранее употреблявшиеся неограниченно, как правило, во всех сферах речи, а сейчас известные скорее по языку художественных произведений или из специальной литературы: арап, богадельня, воитель, дружество и пр.» [Кожина 2003].

Проанализировав данные определения, можно выделить основные черты, характерные для устаревшей лексики:

- 1) переход данных слов из активного словарного запаса в пассивный;
- 2) возможность выделения внутри устаревшей лексики отдельных лексических групп (архаизмов и историзмов);
- 3) интуитивное понимание большинства слов данной группы носителями языка;
- 4) специфичность слов данной группы для текстов художественной или специальной литературы.

Рассмотрим подробнее каждый из приведённых пунктов.

Говоря о пассивном запасе языка, необходимо отметить существование двух ведущих трактовок данного термина, определяющих его в широком и узком значении. Сторонниками широкой трактовки выступали такие исследователи, как А.А. Реформатский, Д.Э. Розенталь, Б.П. Баранникова, М.А. Теленкова и другие. Пассивный запас понимается ими как «часть словарного состава языка, состоящая из лексических единиц, употребление которых ограничено особенностями означаемых ими явлений (названия редких реалий, историзмы, термины, собственные имена) или лексических единиц, известных только части носителей языка (архаизмы, неологизмы), используемых только в отдельных функциональных разновидностях языка (книжная, разговорная и другая стилистически окрашенная лексика)» [Арапов 1990: 369]. Узкая трактовка, сторонниками которой являются Н.М. Шанский, М.И. Фомина и другие, включает в пассивный запас «часть словарного состава языка, понятную всем владеющим данным языком, но мало употребляемую в живом повседневном общении; ...устаревшие или устаревающие, но не выпавшие из словарного состава языка слова, многие неологизмы, которые ещё не вошли в привычное словоупотребление» [Сороколетов 1979: 199].

Ещё одна трактовка термина «пассивный запас» связана с разграничением понятий «речь» и «язык», причём понятия активного и пассивного словарей относятся, прежде всего, к индивидуальной языковой деятельности, т.е. к речи конкретного субъекта. Таким образом, соотношение активного и пассивного запаса тоже является индивидуальным, определяясь профессией субъекта речи, местностью, общественной группой и другими факторами [Емельянова 2004].

Отсутствие чёткости в толковании данного понятия привело к отказу некоторых исследователей от употребления термина «пассивный запас». Так, П.Я. Черных полностью заменяет данный термин на словосочетание «периферия действующего словаря», заявляя, что «правильнее было бы говорить о разной степени активности слов» [Черных 1956: 17].

Отметим, что утверждение об отнесённости устаревшей лексики к пассивному словарю также подвергается сомнению. Так, некоторые исследователи склоняются к мнению о выпадении историзмов из лексической системы языка, а не пребыванию на его периферии [Емельянова 2004].

Необходимо также учитывать, что не вся лексика, относящаяся к пассивному словарю, является устаревшей. Так, например, не относится к устаревшей большая часть церковной (конфессиональной) лексики, ушедшей в пассивный запас после революции 1917 г. и сохранившейся «только в узком кругу верующих и в профессиональной речи духовенства» [Ожегов 1953: 80]. О.Н. Емельянова также указывает на необходимость разграничения устаревшей и высокой поэтической речи, трудности с которым возникают в связи с очень узкими границами употребления слов второй группы и частотностью корреляции между высоким стилем и архаичностью лексики [Емельянова 2004]. Таким образом, отнесённость лексемы к пассивному запасу зачастую является определяющим критерием для присвоения ей словарной стилистической пометы «устар.», при этом необходимая дифференциация не производится.

Вопрос классификации архаической лексики будет подробно рассмотрен нами в параграфе 1.2. Виды архаической лексики. Здесь же приведём только общие сведения о двух основных группах, составляющих пласт устаревшей лексики русского языка. Основным критерием классификации данного типа лексики традиционно является причина архаизации, в результате чего выделяются два разряда: историзмы и архаизмы.

Историзмы – «слова, вышедшие из употребления в связи с исчезновением обозначавшихся ими понятий (напр., названия старинной одежды: армяк, камзол, кафтан)» [Белоусова 1979]. Характерной чертой историзмов является отсутствие у них синонимов в современном русском языке.

Архаизмы – «слова, называющие существующие реалии, но вытесненные по каким-либо причинам из активного употребления синонимичными лексическими единицами» [Белоусова 1979].

Назовём к следующую характерную черту устаревшей лексики – доступность для понимания носителями языка. Рассматривая данный вопрос, А.С. Белоусова выделяет несколько лексических групп на основании различной «степени устарелости» составляющих их слов:

- 1) слова, значение которых непонятно носителям русского языка без соответствующих лексикографических справок (локы (лужа), скоро (шкура));
- 2) слова, понятные носителям русского языка, но находящиеся в составе пассивного словаря и употребляющиеся с определёнными, прежде всего стилистическими целями [Белоусова 1979].

Таким образом, в рамках устаревшей лексики может быть выделена группа слов, значение которых не является прозрачным. Данные слова практически вытеснены за пределы языковой системы, их значение не актуализируется стилистическим употреблением.

Необходимо отметить, что значительный пласт устаревшей лексики сохранился в составе фразеологических оборотов, при этом зачастую это лексемы, значение которых не является очевидным для носителя современного русского языка. Примером подобных фразеологизмов являются следующие обороты: бить баклуши, точить лясы, попасть в просак, ни зги не видно и др. Существуют также выражения, все компоненты которых относятся к группе понятных носителю современного языка лексем: ни гласа ни воздыхания, бить челом, один как перст и др.

Функционирование устаревших слов в составе фразеологических оборотов является примером употребления лексем данной группы в разговорной речи. Однако в качестве свободных лексем устаревшие слова характерны исключительно для художественных и специальных текстов. При этом устаревшие слова различаются характером функционирования в

зависимости от причины архаизации лексемы. Историзмы, как правило, используются как нейтральные слова при необходимости назвать обозначаемые ими предметы и явления, например, в работах исторической направленности. Архаизмы употребляются только с определенными стилистическими целями, которые будут подробнее рассмотрены нами в параграфе 1.3. Стилистическое использование архаизмов в художественном тексте.

Важно также отметить, что устаревшая лексика может вновь войти в состав активного словаря. При этом нейтральные в историческом употреблении слова приобретают «стилистический оттенок высокости или оттенок шутливости, ироничности» [Белоусова 1979] (напр.: слова «изрыгать», «возлияние», «возлежать» в современном употреблении).

Таким образом, устаревшая лексика представляет собой сложную систему, требующую детального исследования и анализа. Высокая степень разработанности проблемы способствует развитию большого числа различных представлений и трактовок, по-разному описывающих данное явление. Тем не менее, однозначно можно отметить, что, встраиваясь в лексическую систему современного русского языка и выступая как стилистически окрашенные слова, относящиеся, как правило, к художественному и научно-публицистическому стилю, архаическая лексика членится на два крупных разряда, обладающих различными особенностями функционирования: историзмы и архаизмы. Внутри данных типов также могут быть выделены различные лексические группы. Способы классификации архаической лексики русского языка будут рассмотрены нами в следующем параграфе.

1.2 Виды архаической лексики

Рассмотрев понятие архаической лексики, обратимся к системе её классификации в современном языкознании. В предыдущем параграфе нами

были названы две основные группы архаической лексики, критерием выделения которых служит причина архаизации слова: историзмы и архаизмы. Внутри данных типов также возможно членение на менее крупные группы.

А.С. Белоусовой выделяются архаизмы двух типов:

1. Лексические архаизмы. К данному типу относятся собственно лексические архаизмы (целиком устаревшие слова (деяние, крамола, чело), лексико-словообразовательные архаизмы, отличающиеся от современных синонимов отдельным словообразовательным элементом, как правило, суффиксом (рыбарь – рыбац, дружество – дружба), а также лексико-фонетические архаизмы, которые от современных вариантов отличает один или несколько звуков (пиит – поэт, клуб – клуб).

2. Семантические архаизмы. Слова данного типа являются многозначными, при этом устаревшим является только одно из значений, тогда как остальные сохраняются в составе активного запаса (напр.: слово «позор», функционирующее в значении «бесчестье» и устаревшее в значении «зрелище») [Белоусова 1979].

А.Ф. Махиборода, помимо архаизмов и историзмов, выделяет также группу «библейзмов», включающую «слова, словосочетания, фразеологические единицы библейского происхождения, упоминаемые в Священном Писании» [Махиборода 2019]: блудный (сын), блудница (вавилонская), злачный (злачное место) и др. Однако выделение данной группы представляется нам спорным, т.к. под сомнение может быть поставлена обоснованность отнесения слов, используемых в церковном обиходе и сохранившихся в разговорной речи в составе фразеологизмов, к устаревшей лексике, что было рассмотрено в предыдущем параграфе. Также А.Ф. Махиборода, ссылаясь на Л.Г. Самогик, отмечает, что устаревать может целый пласт лексики. Ярким примером подобного процесса является пласт так называемых советизмов: декрет, наркомат, партиец, ревком, колхоз и др. Сложность в исследовании слов данного типа лексики представляет тот факт,

что они, как правило, не помечаются в словарях как устаревшие [Махиборода 2019]. Таким образом, в русском языке выделяется устаревшая лексика различного происхождения. А.С. Белоусова в своей классификации выделяет традиционные для лексики активного запаса группы:

- 1) исконно русская устаревшая лексика (сполох (тревога), оный);
- 2) устаревшая лексика старославянского происхождения (вран (ворон), лобзать, вещать);
- 3) устаревшая лексика, некогда заимствованная из других языков (вояж (путешествие)).

Также в параграфе 1.1. Устаревшая лексика в лексической системе современного русского языка нами приводилась классификация А.С. Белоусовой, критерием при проведении которой служит «степень устарелости» слова, т.е. доступность его для понимания носителями современного русского языка. Напомним, по данному признаку А.С. Белоусова выделяет следующие типы архаической лексики:

- 1) слова, значение которых непонятно носителям русского языка без соответствующих лексикографических справок;
- 2) слова пассивного запаса, доступные для понимания и употребляющиеся в стилистических целях [Белоусова 1979].

Добавим к сказанному выше замечание А.С. Белоусовой о том, что в стилистических целях употребляются только лексемы второй группы, т.е. слова, семантика которых понятна носителям современного русского языка, т.к. стилистическое употребление невозможно для языковых единиц, семантика которых не ясна для воспринимающего речь хотя бы на интуитивно-ассоциативном уровне. Слова же первой группы практически полностью вытеснены из современной лексической системы, являясь предметом лингвистических споров в связи со своим неопределённым положением, которое мы отмечали ранее.

Что касается историзмов, выделяются два основных признака, на основе которых может быть произведена классификация лексики: период устаревания лексики и семантика слова.

Можно выделить три основных этапа устаревания лексики русского языка (применимые как к историзмам, так и к архаизмам) [Еднералова 2003]:

1. Досоветский этап. Лексику данной группы составляют славянизмы, функционирующие во время существования Киевской Руси и период феодальной раздробленности и устаревшие в ходе общественно-политических преобразований периода Российской Империи (напр., историзмы: «боярин», «воевода», «вече», «слобода»; архаизмы: «десница», «длань», «выя»).

2. Советский этап. Данные слова устарели при переходе от монархического строя к социалистическому, в результате чего исчезли многие предметы и явления, характерные для быта Российской Империи (напр., «городовой», «сенат», «денщик», «кавалергард», «корчма»). Подавляющее большинство архаической лексики данного этапа составляют историзмы, устаревание которых произошло в связи с общественно-политическими преобразованиями и научно-техническим прогрессом XX века (отметим, например, процесс отмирания понятий, связанных с гужевым транспортом). Параллельно с устареванием лексики начался процесс активного пополнения словаря неологизмами советской эпохи (напр., «красноармеец», «политрук», «целина», «ГУЛАГ», «МТС»).

3. Современный (постсоветский) этап. Данный этап характеризуется процессом устаревания советизмов, связанным с переходом к новому общественно-политическому устройству (напр., «комсомолец», «совхоз», «партбюро», «гкчпист»). Таким образом, основным изменениям подвергается лексика военно-политической сферы, претерпевшей наиболее значительные изменения при распаде Советского Союза.

Данная периодизация касается как историзмов, так и архаизмов, однако проследив исторический процесс устаревания лексики, отметим, что большая

часть архаической лексики второго и третьего этапов относится к группе историзмов, т.к. их переход в пассивный запас языка связан с кардинальными общественно-политическими преобразованиями и физическим прекращением существования тех или иных явлений и предметов, обозначаемых соответствующими понятиями.

Т.к. толкование лексического значения историзма напрямую связано с эпохой его активного употребления, в толковых словарях данные сведения приводятся в составе словарной статьи, например: «БАРИН... В дореволюционной России: человек из привилегированных классов (помещик, чиновник), а также обращение к нему» [Ожегов 2006: 36]. Таким образом, классификация историзмов по времени устаревания неразрывно связана с семантикой слова, т.к. даёт представление о контексте его функционирования.

Собственно семантическая классификация историзмов основана на выявлении родового понятия, к которому данная лексема может быть отнесена. В частности, по данному принципу выделяются следующие лексические группы:

- 1) названия предметов быта (утвари, еды, одежды и т.п.): кушак, лапоть, батог и т.п.
- 2) названия видов оружия: кистень, ослоп и т.п.
- 3) названия должностей, воинских чинов и лиц по роду деятельности: бурлак, офеня, каптенармус и т.п.

Н.Г. Еднералова распределяет историзмы и архаизмы с точки зрения их отнесенности к следующим тематическим группам:

- 1) бытовая лексика;
- 2) психологическая и личностно-физиологическая лексика;
- 3) общественно-политическая лексика;
- 4) экономическая лексика;
- 5) военная лексика;
- 6) лексика воспитания, образования и культуры;

7) лексика природы, пространства, времени;

8) научно-техническая лексика [Еднералова 2003: 326].

Отмечается также, что часть архаической лексики, а также фразеологические сочетания, включающие устаревшие слова, могут быть отнесены к двум и более названным группам. При этом наиболее частотными являются следующие тематические группы: бытовая, личностно-физиологическая, психологическая, военная. Данная закономерность связана с тем, что именно эти сферы жизни, как правило, подвержены наиболее сильным и динамичным преобразованиям.

Рассмотренные классификации позволяют комплексно и многоаспектно описать архаические лексические единицы, что свидетельствует, во-первых, о высокой степени разработанности данного вопроса, во-вторых, о включённости данного лексического пласта в систему русского языка, его тесном взаимодействии с другими её элементами. Подходы к классификации как архаизмов, так и историзмов преимущественно двухаспектны: исследователями освещаются формальные признаки слова (характер изменений у архаизмов, период и причина архаизации у историзмов) и его семантические особенности (отнесённость к той или иной тематической группе). В следующем параграфе нами будут освещены особенности стилистического функционирования группы устаревшей лексики, обладающей наибольшим стилистическим потенциалом – архаизмов.

1.3 Стилистическое использование архаизмов в художественном тексте

Как нами было отмечено ранее, основной функцией архаизмов в современном русском языке является стилистическая. Использование архаической лексики позволяет писателю воссоздать колорит описываемой эпохи, создать необходимое настроение, передать особенности речи персонажей-представителей своего времени, за счёт чего авторы

художественных текстов, передавая таким образом речевые особенности как главных, так и второстепенных персонажей, создают, по выражению Л.С. Алпеевой, «внутренне непротиворечивую картину художественного произведения, заставляют читателя поверить в описываемые события, ощутить понимание характера конкретного героя и его поступков» [Алпеева 2019]. Г.Н. Скляревская отмечает: «Известно, что устарелые слова, воспринимаемые как архаизмы, обладают способностью придавать речи торжественную окраску некоторой подчеркнутой книжности, изысканности» [Скляревская 1978: 106]. Мотивировкой введения в художественный текст устаревшей лексики является «стремление к достоверному описанию исторического времени в целом, а также характера и социальной принадлежности отдельного героя в частности» [Алпеева 2019]. Кроме того, использование архаизмов может выступать в качестве средства передачи авторской иронии и сарказма. Таким образом, в ряде случаев архаизм выступает одним из основных средств художественной выразительности, что наглядно проявляется при анализе художественных произведений и публицистических текстов.

Так, анализируя тексты сказок А.С. Пушкина, исследователи выделяют большое количество архаизмов различных типов. Е.А. Пескова и Т.В. Колюшко называют следующие тематические группы устаревшей лексики, используемой в произведении «Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди»: 1) наименования должностей и сословий (преимущественно являющиеся историзмами): князь, дьяк приказный, корабельщики и др.; 2) названия оружия и воинского обмундирования: латы, булат, интересно употребление слов «кольчуга» и «чешуя» в качестве синонимов; 3) названия построек: светлица, застава, палата и др.; 4) слова, использующиеся для номинации бытовых реалий: аршин, молодица, возопить, ежедневно и др.; 5) наименования частей человеческого тела: уста, очи, глава и др.; 6) административные наименования: удел, царство (употребляются в качестве

синонимов), град и др. [Пескова 2021]. Исследователи отмечают, что подавляющее большинство выявленных устаревших лексем относятся к группе архаизмов. При этом среди слов названных тематических групп выделяются как лексические архаизмы (собственно лексические (уста, зыби), лексико-словообразовательные (дичина – дичь, пожди – подожди), лексико-фонетические (снурок – шнурок, злато – золото), так и семантические («сидеть» в значении «править»: «А теперь стоит на нем город со дворцом с златоглавыми церквями, с теремами и садами, А сидит в нем князь Гвидон...» [цит. по: Пескова 2021]). Интерес представляют следующие строки сказки, содержащие семантический архаизм «гости» (архаическое значение «купец»): «Пристают к заставе гости, князь Гвидон зовёт их в гости» [цит. по: Пескова 2021]. В данной фразе автор употребляет многозначное слово дважды в разных значениях, причём в первом случае значение является устаревшим.

Анализируя произведения А.С. Пушкина «Сказка о рыбаке и рыбке», «Сказка о золотом петушке», «Сказка о царе Салтане...», «Сказка о попе и работнике его Балде», В.Д. Петрушенко выделяет как историзмы, так и архаизмы рассмотренных типов, а также, говоря о мотивировке использования устаревшей лексики, отдельно останавливается на функции отображения речевых особенностей героя. Данный приём осуществляется за счёт использования устаревших разговорных и просторечных лексем: пуще (устар., прост.), надобно (устар., прост.), коли (коль) (устар., прост.), иль (устар., разг.) [Петрушенко 2020]. В.Д. Петрушенко также отмечает, что архаизмы выступают как средства создания иронии в случае, когда они «употребляются в семантическом чуждом для них окружении» [Петрушенко 2020]: «Царь ты наш! Отец народа! – / Возглашает воевода, – / Государь! Проснись! Беда / Что такое, господа?...» [цит. по: Петрушенко 2020].

Употребление архаизмов в сказках А.С. Пушкина связано также с тем, что в качестве основных источников для произведений автором использовались фольклорные тексты разных, в том числе и славянских,

народов [Королев 2020]. Таким образом, употребление архаизмов может расцениваться как естественное следствие погружённости автора в фольклорную традицию и опоры на ранние произведения народного творчества, где данные лексемы не носили стилистической окраски.

Рассмотрим употребление архаизмов в художественных текстах других авторов.

Свердленко К.С., анализируя функционирование устаревшей лексики в поэме С.А. Есенина «Марфа Посадница», акцентирует внимание на двойственной функции архаизмов в историческом произведении: лексика данного типа используется как для придания речи возвышенности и торжественности (что характерно для художественного текста любого жанра и тематики, за исключением сатирических произведений), так и для передачи колорита определённой эпохи [Свердленко 2020]. В поэме С.А. Есенина «Марфа Посадница» (1914 г.) описываются и творчески переосмысляются события XV века, что неизбежно влечёт использование устаревшей лексики, а частности – архаизмов. Как и исследователи творчества А.С. Пушкина, К.С. Свердленко описывает следующие группы архаизмов, выявленных в тексте поэмы: 1) собственно лексические (молвить, чернец, лобызать); 2) лексико-словообразовательные (хитрой (совр. хитрый), Виельзевуле (обращение в устаревшей форме вокатива с окончанием -е у слова мужского рода, употреблённого в единственном числе)); 3) лексико-фонетические. Помимо лексики названных типов, исследовательница также отмечает присутствие в тексте акцентологического архаизма, т.е. слова, постановка ударения в котором не соответствует современным нормам. В рассматриваемом произведении к данному типу устаревшей лексики относится слово «чёрны» («..чёрны брови сдвинула» [цит. по: Свердленко 2020], являющееся краткой формой имени прилагательного («чёрный»). Согласно современным правилам орфоэпии, ударение в словах, относящихся к данной части речи, падает на последний слог, тогда как в рассматриваемом тексте ударным является звук [о] в первом слоге. Данное явление квалифицируется

исследовательницей как «прием создания образности, фольклорной стилизации текста» [Свердленко 2020].

Обратимся к творчеству писателя второй половины XX века В.М. Шукшина. Л.С. Алпеева, проанализировав как творчество писателя, так и специализированные словари языка рассказов В.М. Шукшина, отмечает отсутствие широкого разнообразия устаревшей лексики. Несмотря на частое обращение В.М. Шукшина к деревенской тематике и активное функционирование в текстах данного автора разговорной и просторечной лексики, категория архаизмов практически не представлена. Исключение составляет исторический роман «Я пришел дать вам волю» (опубликован в 1971 г.), описывающий события крестьянского восстания XVII века под предводительством Степана Разина. Данное наблюдение подтверждает утверждение о ведущей роли устаревшей лексики как средства создания колорита определённой эпохи. Л.С. Алпеева также указывает на интересную закономерность: количественные показатели насыщенности текста устаревшей лексикой (из расчёта соотношения количества слов на одну страницу произведения) значительно меняются по мере развития действия романа, большая часть архаизмов, как и историзмов, сосредоточена в начале произведения, «видимо, с целью вовлечения читателя в историческую художественную ткань повествования» [Алпеева 2019], тогда как в последующем слова данной группы практически исчезают как из авторских описаний, так и из речи героев, что может свидетельствовать о намерении автора исключить барьер между персонажами и читателем. В качестве примера приведём фрагмент первого предложения романа, насыщенного устаревшими лексемами: «...и многия пакости и кровопролития и убийства во граде Астрахане и в иных низовых градех учинил, и всех купно православных, которые к ево коварству не пристали, побил, потом и сам вскоре исчезе, и со единомышленники своими да будет проклят!» [цит. по: Алпеева 2019]. Даже в рамках данного короткого фрагмента можно выделить большое количество архаизмов различных типов, превалирующим среди

которых является лексико-словообразовательный: многия, в градех, исчезе и др. Л.С. Алпеева отмечает, что в дальнейшем использование историзмов ограничивается необходимостью номинации соответствующих явлений, функционирование архаизмов также ограничено номинацией конкретных предметов быта: струга (лодка), пистоль (оружие), грамота (письмо) и др. [Алпеева 2019]. Рассмотрев данный приём В.М. Шукшина, мы можем сделать вывод о необходимости использования как историзмов, так и архаизмов в художественном произведении на историческую тематику. Несмотря на осознаваемое автором противоречие между его собственным стилем повествования и стилистической окраской устаревшей лексики, полностью отказаться от её употребления в тексте романа не представляется возможным, т.к. перед писателем стоит задача создания целостного образа описываемой эпохи. М.В. Шукшин решает данное противоречие при помощи введения двух чётко отграниченных один от другого пластов повествования, разделяя текст рассказа на насыщенное устаревшей лексикой описание исторических событий, отграниченное графически при помощи курсива, и «псевдосовременный» [Алпеева 2019] пласт, повествование в котором сосредоточено на описании внутреннего мира героев и событий, относящихся к сюжету художественного произведения. Таким образом В.М. Шукшину удаётся воссоздать исторический контекст романа, сохраняя при этом эффект внутренней близости персонажей современному читателю.

Помимо художественного текста, архаизмы также могут функционировать в тексте, относящемся к публицистическому стилю. Публицистический текст характеризуется функционированием в нём широкого спектра разностилевых языковых единиц, употребляющихся с целью введения соответствующей экспрессивной коннотации. Архаизм также является одним из средств создания дополнительной экспрессивности текста, в большинстве случаев данный приём используется для создания эффекта иронии и сарказма. Рассмотрим пример из газетного текста: «10 лет строгого режима, по всей видимости, произвели столь неизгладимое

впечатление, что велеречивые чиновники попросту потеряли дар речи» (Новый регион, № 2, 2007.07.26) [цит. по: Генералова 2021]. В данном предложении употребляется устаревшее слово «велеречивый», определяющееся в Современном толковом словаре Т.Ф. Ефремовой следующим образом: «1. Лишённый простоты; витиеватый (о слоге, речи и т.п.). 2. перен. Выраженный высоким слогом; чрезмерно торжественный, напыщенный, высокопарный» [Ефремова 2000]. В сочетании с номинацией по роду деятельности «чиновники», получившей в народном сознании негативную оценочную коннотацию [Заграничнов 2013], данный архаизм выступает средством создания иронии, акцентируя внимание на несоответствии возвышенности устаревшей лексики описываемым современным реалиям.

Таким образом, широкое использование архаизмов в качестве стилистического средства характерно для художественных произведений как XIX, так и XX века, а также для публицистических текстов. При этом функции архаизма различаются в зависимости от сферы его употребления: в художественном тексте, за редким исключением, архаизм используется для придания повествованию возвышенного тона, а также в целях создания комплексного образа описываемой исторической эпохи, тогда как в публицистическом тексте лексика данного типа используется преимущественно в качестве средства создания иронической окраски высказывания, что достигается за счёт резкого контраста между разностилевыми языковыми единицами.

ВЫВОДЫ К 1 ГЛАВЕ

В данной главе нами были рассмотрены особенности архаической лексики, её положение в лексической системе современного русского языка, а также стилистические возможности использования слов данного типа в художественном и публицистическом тексте.

В ходе исследования были выделены и рассмотрены основные характеристики архаической лексики: отнесение слов данного типа к пассивному словарному запасу, выделение групп архаизмов и историзмов, возможность интуитивного понимания семантики (и/или коннотации) устаревших слов носителями языка, функционирование данной лексики преимущественно в текстах художественной или специальной литературы.

В результате изучения трудов А.С. Белоусовой, М.В. Арапова, О.Н. Емельяновой и других исследователей нами были описаны различные точки зрения на проблему активного и пассивного словарного запаса современного русского языка и положение в данной системе архаической лексики: отнесение её к периферии языка либо выведение за его границы. Также была рассмотрена проблема квалификации высокой, книжной и церковной (конфессиональной) лексики пассивного запаса как устаревшей.

Были рассмотрены различные способы классификации архаической лексики, в частности: семантическая классификация (слова, называющие предметы быта, виды вооружения, названия сословий, должностей и др.), классификация по периоду устаревания лексики (досоветский, советский и постсоветский этапы устаревания), классификация по «степени устарелости» лексики (слова с интуитивно понятным лексическим значением и лексика, понимание которой носителями современного русского языка затруднено). Особо была рассмотрена классификация архаизмов, выделяющая лексические (собственно лексические, лексико-фонетические, лексико-словообразовательные) и семантические архаизмы.

Также нами были описаны особенности стилистического употребления архаической лексики: введение слов данного типа в художественный текст, как правило, производится с целью придания повествованию возвышенного тона, а также создания целостного образа описываемой эпохи в произведении исторического характера; в публицистике обращение к архаической лексике происходит, как правило, в целях создания иронии и сарказма.

ГЛАВА 2. ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АРХАИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В РОМАНЕ А.Н. ТОЛСТОГО «ПЕТР ПЕРВЫЙ»

2.1 Жанровое и стилистическое своеобразие романа А.Н. Толстого «Петр Первый»

В данной главе нами будет рассмотрено стилистическое своеобразие романа А.Н. Толстого «Петр Первый», в частности – функционирование в его тексте архаической лексики. Для начала, рассмотрим вопросы жанровой квалификации данного произведения, проследим историю его создания, а также отметим характерные стилевые черты рассматриваемого художественного текста.

Роман «Петр Первый» А.Н. Толстого является неоконченным произведением, работа над которым велась с 1929 по 1945 год, до самой смерти автора. Данный роман традиционно определяется исследователями как исторический; для более детального анализа этого вопроса приведём характерные черты исторического романа. Один из исследователей данного жанра, С.М. Петров, в качестве основного жанрообразующего признака называет временную дистанцированность автора от описываемых событий: «...предметом исторического романа обычно является историческое прошлое, понимаемое как уже завершившаяся в своем развитии определенная эпоха» [Петров 1961]. Однако факта удалённости описываемой эпохи, безусловно, недостаточно для квалификации романа как исторического. Так, А.И. Пауткин и Л.П. Александрова называют одним из ведущих признаков исторического романа значимую роль реального исторического лица, выдающейся личности, в сюжете произведения [Юрина 2020]. Также значимым для отнесения произведения к жанру исторического романа является соотношение в тексте достоверного описания исторических реалий изображаемой эпохи и элементов художественного вымысла, являющихся обязательной составляющей произведения данного жанра. При этом

авторский вымысел не может противоречить историческим фактам, встраиваясь в целостную картину, основанную на достоверном изображении описываемой эпохи.

Суммируя положения исследователей, В.И. Юрина называет следующие черты исторического романа:

1) изображение удалённой от автора исторической эпохи, что позволяет рассматривать события объективно, как завершённый процесс;

2) изображение значимых исторических событий, служащих фоном для развития сюжета художественного произведения;

3) повествование о выдающихся исторических личностях, известных представителях описываемой эпохи (при этом выведение данных персонажей на первый план обязательным не является);

4) соблюдение принципа историзма, проявляющегося в достоверном изображении характерных черт описываемой эпохи, включая бытовые и культурные реалии: традиции, язык, колорит;

5) органичное соединение исторической достоверности и художественного вымысла, причём второй дополняет описываемые исторические события, а не противоречит им [Юрина 2020].

Роман А.Н. Толстого «Петр Первый» формально соответствует всем названным характеристикам, присущим историческому роману. Главным героем произведения является реальное историческое лицо, император Пётр Алексеевич, изображающийся в романе в разные периоды своей жизни – от детства до зрелости. При работе над романом А.Н. Толстой обращался к широкому спектру исторических источников, среди которых книги историков XIX века И.И. Голикова, Н.М. Карамзина, Н.Г. Устрялова, С.М. Соловьева, использовал большое количество архивных материалов и музейных артефактов. Ссылаясь на воспоминания современников об А.Н. Толстом, А.С. Акимов пересказывает случай из биографии писателя: для воссоздания исторической действительности с документальной точностью А.Н. Толстой посещал Эрмитаж, т.к. не мог продолжать работу

над текстом, не имея точного представления об узоре на пуговицах царского кафтана [Акимова 2018].

Одним из средств создания исторической достоверности является введение в текст романа писем Петра I, причём исторический документ органично вплетается в изображаемый автором контекст его создания: автор приводит «цитирование источника с сохранением некоторых, выборочных, особенностей оригинала и нормированием языка эпохи» [Акимова 2018]. Также А.Н. Толстой, опираясь на исторические документы, зачастую приводит их в литературно обработанном виде, сокращая и трансформируя оригинальный текст. Примером введения в текст художественного произведения фрагментов исторических документов может служить обращение к «Собственноручной тетради Петра» во второй главе первой книги романа: «Царица от скуки взяла почитать петрушину учебную тетрадь. Арифметика. Тетрадь – в чернильных пятнах, написано – вкривь и вкось, неразборчиво: «Пример адиции... Долгу много а денех у мена меньше тово долгу, и надобает вычесть – много ли езчо платить...» / Царица зевнула, – не то есть хочется, не то еще чего-то...» [Толстой 1980] Данный пример наглядно демонстрирует принцип органичного синтеза в тексте романа исторической достоверности и художественного вымысла: оригинальный документ «обрастает» дополнительными подробностями, служит предметом авторского переосмысления и выступает в качестве центра, вокруг которого развиваются вымышленные события.

Элементы художественного вымысла активно используются автором, что проявляется как в системе персонажей (исторических прототипов не имеет семья Бровкиных, дворянин Василий Волков, Андрей Голиков, большая часть второстепенных персонажей), так и в сюжете романа. Даже при изображении исторической действительности автором упускаются некоторые незначительные для сюжета события, такие как второй Азовский поход, вторая поездка в Архангельск и др. Таким образом, авторский

вымысел и историческая действительность в рамках данного текста органично сосуществуют.

Несмотря на фактическое соответствие рассматриваемого произведения чертам исторического романа, вопрос о его квалификации как относящегося к данному жанру не является однозначным. Говоря о жанровой своеобразии романа «Пётр Первый», А.М. Лобин отмечает, что оно заключается «в построении сюжета на основе хроникального течения событий, а не традиционного для исторического романа фабульного узла» [Лобин 2006], что даёт исследователям повод рассматривать данное произведение не как роман, а как историческую хронику. В частности, данного мнения придерживались А.С. Макаренко, определяющий рассматриваемое произведение лишь в качестве художественной иллюстрации к историческим событиям, и Ю. Андреев, называющий данное произведение драматизированной в отдельных эпизодах исторической хроникой.

Мнение исследователей на роль в романе сюжетных линий вымышленных персонажей значительно расходится. Так, А.М. Лобин акцентирует внимание на их фактической несамостоятельности, т.к. каждая из них служит для более полного раскрытия личности главного героя и изображения характера эпохи в целом, тогда как А.Алпатов определяет роман «Пётр Первый» как относящийся к жанру эпопеи и представляющий в своём тексте «галерею судеб» [Лобин 2006]. Тем не менее, синтез в романе исторического и художественного не подвергается сомнениям литературоведами: «Пётр Первый» не может без дополнительных оговорок быть определён ни как произведение биографического жанра, ни как историческая хроника.

Заключительным вопросом в проблеме определения жанровой принадлежности рассматриваемого произведения является вопрос об удалённости изображаемой исторической эпохи как от читателя, так и от автора. Представляет интерес наблюдение Е.И. Марковой, обосновывающей

причины незавершённости романа при помощи обращения к следующему эпизоду из воспоминаний А.Н. Толстого. Перед началом Второй мировой войны писатель был вынужден выбрать, какое из двух монументальных произведений – «Пётр Первый» или «Хождение по мукам» – он должен завершить до войны, и выбор был сделан в пользу второго романа. Сам А.Н. Толстой объяснял это следующим образом: «...После мировой войны я уже, разумеется, не смогу вернуться к эпохе гражданской войны – она отодвинется слишком далеко» [Толстой 1956]. Вспоминая, что выбор стоял между «Хождением по мукам» и романом «Пётр Первый», можно прийти к парадоксальному, на первый взгляд, выводу о более значительной отдалённости в авторском сознании эпохи гражданской войны по сравнению с Россией XVII-XVIII веков. Е.И. Маркова также отмечает особое внимание А.Н. Толстого к явлениям и процессам описываемой эпохи, которые в последующем сыграют определённую роль в развитии российского государства и общества, «его книга не столько повествование о прошлом, сколько воспоминание о будущем» [Маркова 1981].

При этом, несмотря на приведённые аргументы сторонников альтернативной жанровой квалификации произведения, большинство исследователей сходятся во мнении об отнесении «Петра Первого» к жанру исторического романа. Решающим фактором в данном случае выступает принцип историзма, являющийся основой как сюжетного повествования, так и художественного изображения описываемой исторической действительности. В тексте романа принцип историзма проявляется на следующих уровнях:

- 1) изложение исторических событий;
- 2) достоверное описание исторических реалий;
- 3) воссоздание общей атмосферы описываемой эпохи.

Как нами было отмечено выше, хроникальное течение сюжета романа позволяет автору с большей точностью воссоздать порядок и обстоятельства описываемых им исторических событий с обращением к образам реальных

представителей данной эпохи. Художественный вымысел здесь практически отсутствует (за исключением сюжетных линий вымышленных персонажей), мы можем отметить лишь факт некоего авторского отбора исторического материала, когда, что также было нами отмечено, А.Н. Толстой отказывается от изображения некоторых незначительных событий, не имеющих ценности для продвижения сюжета и выражения авторской идеи.

Исторические реалии также изображаются А.Н. Толстым тщательно и достоверно, автор воспроизводит образы представителей всех социальных слоёв того времени, от крестьянства до императорского двора, рисует красочные картины быта. Приведём фрагмент первой главы второй книги романа: «Кричали петухи в мутном рассвете. Неохотно занималось февральское утро. Ночные сторожа, путаясь в полах бараньих тулупов, убирали уличные рогатки. Печной дым стлало к земле, горячим хлебом запахло в кривых переулках... Неохотно просыпалась Москва. Звонари лезли на колокольни, зябко кряхтя, ждали, когда ударит Иван Великий. Медленно, тяжело плыл над мглистыми улицами великопостный звон... Стало видно на улице. Хлопали калитки. Шли гостинодворцы, туго подпоясанные кушаками. Без прежней бойкости отпирали лавки» [Толстой 1980]. В данном фрагменте, открывающим вторую книгу произведения, кратко, но ярко описывается картина пробуждения города. Данное художественное описание изобилует деталями и подробностями, рисующими узнаваемую картину начала XVIII века. Основными средствами придания тексту исторической достоверности в данном случае служат архаическая лексика, называющая специфические понятия описываемой эпохи (тулупы, гостинодворцы, кушаки и др.), а также номинация специфических понятий при помощи современных языковых средств (крики петухов, печной дым, запах горячего хлеба, великопостный звон). Результатом объединения данных приёмов является целостная картина городского быта.

Без достоверности в изображении исторических реалий невозможно достижение следующего условия следования принципу историзма –

воссоздания общей атмосферы эпохи. Приведём фрагмент диалога из той же главы романа: «— Пришлых много, гультаев. Они начнут, казаки подсобят... А не подсобят, – все равно – либо в Турцию уходить, либо под Москву в холопы, навечно... Тогда помогли царю под Азовом, теперь он на весь Дон лапу наложил. Пришлых велят выдавать. Попов из Москвы нагнали, старую веру искореняют... Конец тихому Дону... / – Для такого дела нужен большой человек, – сказал Овдоким, – не вышло бы, как тогда, при Степане...» [Толстой 1980] Можно отметить широкое функционирование в приведённом фрагменте архаической лексики различных типов (пришлые, гультаи, казаки, подсобят, холопы, царь и др.), а также обращение к актуальным для персонажей событиям: фамилия Степана (Разин) в данном случае не называется, т.к. предполагается, что участвующие в разговоре герои хорошо знакомы с происходящими событиями и не нуждаются в уточнении. При этом в некоторых изданиях романа в данном месте присутствует сноска (не являющаяся авторской), поясняющая личность «Степана», о котором говорят герои.

Таким образом, несмотря на некоторые сомнения относительно жанра «Пётра Первого», яркие черты историзма позволяют отнести рассматриваемое нами произведение к историческому роману. В следующих параграфах нами будут подробнее рассмотрены языковые единицы, выступающие основным средством художественной выразительности данного произведения: историзмы и архаизмы.

2.2 Историзмы и их функции в романе

Безусловно, в тексте исторического романа важную роль играет лексика, относящаяся к группе историзмов. В.В.Новиков отмечает необходимость употребления лексики данного типа в художественном произведении при описании реалий той или иной эпохи как средства сохранения исторической достоверности на фоне неизменно

присутствующего художественного вымысла. Так, при описании как бытовых деталей, так и персонажей, действующих в контексте исторических реалий и имеющих исторические прототипы, необходимым называется воссоздание описываемого исторического периода «с использованием документов и определением границ вымысла, его характера, с воссозданием колорита эпохи, языка, обычаев» [Новиков 1988]. Функционирование в тексте исторического романа историзмов направлено, во-первых, на воссоздание бытовых и культурных реалий за счёт обращения к ушедшим понятиям, актуальным для описываемой эпохи, а во-вторых, на реконструкцию речевых особенностей персонажей и их характеристику как принадлежащих, в данном случае, к петровской эпохе за счёт использования в их речи архаической лексики. Рассмотрим проявление данных принципов на примерах из романа А.Н. Толстого «Пётр Первый».

В ходе анализа историзмов романа методом сплошной выборки нами была выделена 101 лексема различного происхождения и семантики (см. Приложение 1). По семантике данная лексика может быть разделена на 12 тематических групп различного объёма:

1) слова, обозначающие лица или группы лиц по сословному признаку, а также по роду деятельности (исключая военные звания) (27,72%, напр.: челядь, мажордом, целовальник);

2) слова, обозначающие постройки, строения различного предназначения, а также их части (15,84%, напр.: хоромы, аустерия, корчма);

3) слова, обозначающие предметы одежды и обуви (12,87% напр.: кафтан, онучи, опашень);

4) слова, обозначающие виды вооружения (9,9%, напр.: мортира, кистень);

5) слова, обозначающие воинские звания и названия родов войск (6,93%, напр.: кирасиры, гетман, генерал-провиант);

6) слова, обозначающие виды транспорта и предметы, относящиеся к данной сфере (6,93%, напр.: карета, оглобля);

7) слова, обозначающие орудия труда и предметы быта (5,94%, напр.: соха, готовальня);

8) слова, обозначающие административные единицы (4,95%, напр.: слобода, уезд).

9) слова, обозначающие денежные единицы (2,97%, напр.: ефимок, алтын);

10) слова, обозначающие устаревшие меры веса и расстояния (1,98%, напр.: пуд, сажень);

11) слова, обозначающие названия документов (1,98%, напр.: челобитная, подорожная);

12) слова, обозначающие виды налоговых выплат (1,98%, напр.: дань, оброк).

Охарактеризуем кратко названные группы.

Наиболее широко в данной выборке представлены историзмы, называющие лиц по принадлежности к какому-либо сословию, а также названия должностей и профессий (27,72%, 28 слов). Рассмотрим эти слова:

– помещик («Землевладелец, относящийся к привилегированному сословию» [Ожегов 2006: 559]: «Конечно, старики рассказывают, прежде легче было: не понравилось, ушел к другому помещику» [Толстой 1980]);

– ямщик («Возница на ямских лошадях, а также вообще возница» [Ожегов 2006: 918]: «Гаврила, схватив ямщика за плечо, указывал – в какие сворачивать кривые переулки...» [Толстой 1980]);

– шляхетство («Польское мелкопоместное дворянство» [Ожегов 2006: 899]: «...нам не под силу терпеть его своеволие: разбогател, шляхетство разорил, старшине казацкой при нем нельзя в шапках стоять» [Толстой 1980]);

– стольник («На Руси до 17 в.: придворный [первонач. прислуживающий за княжеским или царским столом]» [Ожегов 2006: 770]: «Я говорил матери, – хочу за границу послать человек пятьдесят стольников, кто поразумнее – учиться у вас же...» [Толстой 1980]);

– маркитант («В 18-19 вв.: торговец съестными припасами, напитками и разными мелкими товарами при армии в походе» [Ожегов 2006: 343]: «Маркитантки-девки есть у тебя при лагере, господин генерал? – спросил Головин, тоже отстегивая латы» [Толстой 1980]) и др.

Преобладание данной группы историзмов связано со спецификой самого текста исторического романа, проявляющейся в комплексном изображении быта описываемой эпохи, что приводит к необходимости введения в повествование лиц, занимающих различное положение и обладающих различным социальным статусом. При этом, учитывая определённое социально-политическое устройство государства времени правления Петра I, использование для подобных описаний современной терминологии не позволяет в полной мере отразить историческую действительность.

Сходная мотивировка прослеживается в использовании в тексте историзмов четвёртой и пятой групп, связанных с военной тематикой. А.Н. Толстой уделяет много внимания описанию военных действий, начиная с изображения потешных полков и Стрелецкого бунта в первой книге романа, заканчивая штурмом Нарвы в финале. Как было отмечено, среди действующих лиц романа изображены представители различных сословий и социальных слоёв, в том числе военные – как простые солдаты, так и обладатели высших военных званий: сотник, генерал-провиант. Активно используются номинации лиц по роду войск, к которым они относятся: драгун, кирасир и др. Более того, в романе изображается не только армия Российской Империи, но и западные войска, в частности немецкие мушкетёры. С обилием описания военных действий связано разнообразие лексики, обозначающей виды устаревшего вооружения: рубящего (бердыш («Старинное оружие – широкий длинный гонор на высоком древке с лезвием в виде полумесяца» [Ожегов 2006: 44])), огнестрельного (мушкет («Старинное ружьё крупного калибра с фитильным замком» [Ожегов 2006: 371])), ударного (кистенъ («Старинное оружие в виде короткой палки с

подвешенным на раме или цепочке металлическим шаром, тяжестью» [Ожегов 2006: 274]) и др., а также военных доспехов (тегилай, панцырь и др.). Устаревание данных слов было вызвано научно-техническим прогрессом в военной сфере.

Также с научно-техническим прогрессом связана архаизация историзмов шестой группы, называющих понятия, относящиеся к функционированию гужевого транспорта:

– запятки («В старину: место для слуги на задке кареты, экипажа» [Ожегов 2006: 217]);

– возок («В старину: крытая зимняя повозка, а также сани со спинкой» [Ожегов 2006: 93]);

– оглобля («В упряжи: одна из двух круглых длинных жердей, укрепленных на передней оси повозки и соединяющихся с дугой» [Ожегов 2006: 443]) и др.

Как видно из приведённых примеров, данную группу образуют лексемы нескольких семантических типов: называющие виды транспорта, их отдельные элементы и предметы упряжи. При этом лексика последнего типа (напр.: хомут, оглобля) сохранилась в современном русском языке в качестве профессионализмов и употребляется людьми, деятельность которых связана с тягловыми животными, однако большей частью носителей языка данные слова воспринимаются как историзмы.

Ещё одной крупной тематической группой является лексика, обозначающая названия строений и их элементов – как внешних архитектурных (конек, петух), так и внутренних (сени, полати, подклеть). В особую подгруппу могут быть выделены названия существовавших в XVIII-XIX веках питейных заведений:

– аустерия («Такие беседы бывали по вечерам на подметенной площадке перед дверью аустерии Иоганна Монса» [Толстой 1980]);

– корчма («В жаркой корчме пахло кислым» [Толстой 1980]);

– кружало («Певчие эти до того избаловались, – в будни ходят в малиновых шелковых рубашках, в куньих высоких шапках и в сафьяновых сапогах, постоянно вымогают у царевен деньги и пропивают их в кружале у Покровских ворот» [Толстой 1980]);

– харчевня («С площади он поехал ночевать в харчевню» [Толстой 1980]).

Наиболее показательно в данном случае употребление историзма «аустерия» («Трактир (в Российском государстве при Петре I)» [Ефремова 2000]), т.к. данное слово является специфическим для описываемой в романе эпохи и однозначно маркирует описываемые события как принадлежащие к ней.

Помимо названных тематических подгрупп, были выявлены также лексемы, называющие помещения военного предназначения (цейхгауз – «Воинский склад для хранения обмундирования, снаряжения, вооружения и продовольствия» [Ожегов 2006: 872]), типы жилых построек (усадьба – «Отдельный дом с примыкающими к нему строениями, угодьями» [Ожегов 2006: 838]), названия учреждений, передающиеся постройкам, в которых они находятся (приказ («В узких проулках между дворов, каменных монастырских оград и желтых стен длинного здания приказов валялись убитые и ползали со стонами раненые боярские челядинцы» [Толстой 1980]) – «В Русском государстве 16–17 вв.: учреждение, ведающее отдельной отраслью управления или отдельной территорией» [Ожегов 2006: 592]).

Также в тексте романа широко представлена лексика, обозначающая:

– предметы одежды (летник – «Летняя женская одежда в древней Руси» [Ушаков 1940], опашень – «В древней России мужская, иногда и женская летняя верхняя одежда долгополый кафтан с короткими широкими рукавами» [Ушаков 1940]);

– обувь (онучи – «Обмотки для ног под сапоги или лапти; портянки» [Ефремова 2000], лапти – «В старое время: крестьянская обувь, сплетённая из лыка, охватывающая только стопу» [Ожегов 2006: 319]);

– головные уборы (туфейка – «Боярский головной убор в виде круглой по голове шапочки с украшениями» [Ефремова 2000], венец («Подошла к зеркальцу – поправить венец, и рассеянно скользнула по своему отражению – некрасива, но ведь любит...» [Толстой 1980]) – «...царское головное украшение, корона; убор в виде нижнего отруба сахарной головы твер., с поднизью, рясами или жемчужною сеткою на лбу...» [Даль 1866]);

– аксессуары (барма («Род наплечников в торжественной одежде русских князей и царей, византийских императоров» [Ожегов 2006: 36]), перевязь («Ремень, лента через плечо» [Ожегов 2006: 501]).

Предметы одежды, относящиеся к военному обмундированию, были отнесены нами к тематической группе, лексика которой обозначает устаревшие виды вооружения, т.к. на архаизацию данных слов повлиял, в первую очередь, научно-технический прогресс. Ведущей же причиной архаизации лексики данной группы являются изменения в общественном устройстве, в частности, глобализация в области моды и отказ от национального и церемониального костюма.

Рассмотрим тематическую группу слов, объединяющую бытовую лексику и включающую названия орудий труда (соха – «Примитивное сельскохозяйственное орудие для вспашки земли» [Ожегов 2006: 752]), предметов, служащих для выполнения различной работы (готовальня – «Набор чертёжных инструментов, размещённый в специальном футляре» [Ожегов 2006: 142]), предметов быта (лучина – «Тонкая длинная щепка от сухого полена... (в старину: для освещения избы)» [Ожегов 2006: 335]), кiset – «Маленький мешочек для табака..., затягиваемый шнурком» [Ожегов 2006: 274]), посуды (чугунок – «Сосуд округлой формы из... [чугунного] сплава» [Ожегов 2006: 888]). Как правило, их устаревание связано с научно-техническим прогрессом и процессом урбанизации.

В ходе анализа нами были выделены историзмы, обозначающие административные единицы, характерные для описываемой эпохи: вотчина, уезд, слобода и др. Их архаизация также связана с общественно-

политическими преобразованиями, в частности, с реформированием принципов административного-территориального устройства государства.

Наименее широко представлены слова, относящиеся к трём заключительным тематическим группам: называющие устаревшие меры веса и расстояния (пуд, сажень), названия документов (челобитная, подорожная), виды налоговых выплат (дань, оброк).

Интересен морфологический состав анализируемой выборки. Абсолютное большинство представленных лексем (92,08%, 93 слова) составляют имена существительные. Меньшая часть отобранных слов (6,93%, 7 слов) являются субстантивированными именами прилагательными, среди них представлены:

1) названия документов: челобитная («Была слезная челобитная государственных крестьян на кунгурского воеводу...» [Толстой 1980]), подорожная («Гаврила Бровкин без отдыха скакал в Москву, – с царской подорожной, на перекладной тройке, в короткой телеге на железном ходу» [Толстой 1980]);

2) номинации лиц по производимой работе или принадлежности к чему-либо: стряпчие («Быть на коне всем стольникам, стряпчим, дворянам московским и жильцам и всем чинам, писанным в ученье ратного дела» [Толстой 1980]), подьячий («Одного боимся – попов с подьячими...» [Толстой 1980]), постельничий («...постный и благостный старец, книжник, первый постельничий – Алексей Тимофеевич Лихачев...» [Толстой 1980]), посадский («Туда, если сунется ярыжка какой-нибудь или пьяный посадский, – окликнет целовальник, надвинув брови...» [Толстой 1980]);

3) название монеты: целковый («Хлеба не было, соли не было, деньги стали дешевы, серебряный-то целковый казна переплавляла на медный» [Толстой 1980]).

Одно слово («крепостной»: «Относящийся к общественному строю, при к-ром помещик имел право на принудительный труд, имущество и личность прикрепленных к земле и принадлежащих ему крестьян» [Ожегов

2006: 305]) является именем прилагательным и употребляется только в составе словосочетания «крепостной человек»: «Федя, мне под Нарвой рассказывал крепостной человек Бориса Петровича про итальянскую страну...» [Толстой 1980], «А людей твоих, кабальных и крепостных, oprичь крестьян и крестьянских детей, – отпустить на волю...» [Толстой 1980].

Преобладание в выборке имён существительных и субстантивированных частей речи объясняется самой природой историзма как лексем, называющей устаревший предмет или явление, и является в данном случае закономерным.

Отметим также, что анализируемые нами лексемь равномерно распределены по тексту романа, встречаясь как в прямой речи персонажей, так и в авторских описаниях. Таким образом, употребление данного типа лексики выполняет две функции, ведущей из которых является реконструкция в тексте романа целостной картины быта описываемой эпохи за счёт упоминания характерных предметов и явлений: «Такие беседы бывали по вечерам на подметенной площадке перед дверью аустерии Иоганна Монса» [Толстой 1980]; «Поверх летника – широкий опашень клюквенного сукна со ста двадцатью финифтяными пуговицами, еще поверх – подволоку, сребротканную, на легком меху, мантию, тяжело шитую жемчугом» [Толстой 1980]. Вторая функция неразрывно связана с первой: употребляя в речи персонажей историзмы, автор, таким образом, однозначно демонстрирует их принадлежность к петровской эпохе: «Со скуки рано пообедал, спать лег на, часок, а – просыпаюсь – в доме нет никого, ни гостей, ни челяди» [Толстой 1980]; «Макаров! – позвал он. – Спорить хочешь на десять ефимков?» [Толстой 1980]. Таким образом, речевой портрет персонажа дополняется сведениями об эпохе его жизни, и даже вне контекста произведения содержащие историзмы реплики позволяют квалифицировать персонажа как относящегося к описываемому историческому периоду.

Таким образом, в ходе проведённого анализа нами были выявлены основные тематические группы историзмов, среди которых наиболее

крупными являются группы слов, называющих лица по сословной принадлежности и роду деятельности, названия построек различного назначения, предметов одежды, а также предметов, относящихся к военной сфере. Процесс архаизации данных лексем связан с различными процессами в социально-политической сфере, а также с научно-техническим прогрессом, благодаря которому многие предметы вышли из активного употребления, что способствовало пассивизации относящейся к ним лексики. Также нами были описаны две неразрывно связанных функции историзмов в тексте романа: употребляясь в авторских описаниях, историзмы способствуют соблюдению принципа историзма и созданию целостной картины быта, характерного для определённого исторического периода, тогда как в речи персонажей лексика данного типа наделяется дополнительной функцией и служит для квалификации персонажа как относящегося к определённой исторической эпохе. В следующем параграфе нами будет рассмотрена вторая группа архаической лексики в романе А.Н. Толстого «Пётр Первый» – архаизмы.

2.3 Архаизмы как стилистическое средство в тексте романа

Как нами отмечалось ранее, архаизмы представляют вторую крупную лексическую группу в составе устаревшей лексики русского языка. В ходе исследования нами были отобраны 98 слов, относящихся к архаизмам (см. Приложение 2). Из них абсолютное большинство (53 слова, 54,08%) относятся к типу собственно лексических архаизмов. На втором месте по частотности употребления – лексико-словообразовательные архаизмы (18 слов, 18,37%), значительно реже отмечается функционирование лексико-фонетических (15 слов, 15,31%) и семантических архаизмов (12 слов, 12,24%). Рассмотрим каждый из названных типов.

Лексические архаизмы в романе «Петр Первый» разнообразны: представлены различными частями речи и обозначают различные категории предметов и явлений. Половина отобранных лексических архаизмов (26 слов,

48,15% от числа лексических архаизмов) являются именами существительными: чадо, жалованье, шпынь, басурмане. Широко распространены в тексте романа архаизмы, обозначающие части тела человека: чело, перста, лики. Интересно, что данные архаизмы употребляются в тексте наряду с современными синонимами (лоб, палец, лицо), различаясь сферой употребления. Архаизмы, как правило, функционируют в контексте описания сакральных явлений. Сравним следующие фрагменты романа:

1) «По Москве ходит рыжий поп Филька и, когда соберутся около него, начинает неистовствовать: «Послан-де я от бога учить вас истинной вере, апостолы Петр и Павел мне сродичи. Чтоб вы крестились двумя перстами, а не тремя: в трех-де перстах сидит Кика-бес, сие есть кукиш, в нем вся преисподняя, – кукишом креститесь...»» [Толстой 1980].

2) «Послы приблизились и на ковре перед тронными ступенями преклонили колени. Свиньин поднес миску, Петр, глядя вперед себя, сунул пальцы в воду, Волков вытер их, и послы подошли к царской шершавой руке» [Толстой 1980].

Как видно из контекста, употребление архаизма «перст» обусловлено сакральным содержанием описываемого явления: наложением крестного знамения. Схожее употребление данной лексемы наблюдается и в следующих примерах: «От старца Авраамия, – прошептал Андрей и плотно приложил два перста ко лбу»; «Здравствуй, Андрей Денисов, что скажешь хорошего? Все ли еще вы двумя перстами от меня оберегаетесь?» [Толстой 1980].

Выбор слова из пары «лик»-«лицо» также обусловлен смысловым содержанием текста. Так, в романе распространено употребление слова «лик» в значении «образ», «икона», а также его использование при описании святых: «Еще раз перекрестясь на огромный лик над входом, встряхивали волосами, надевали шапки и шляпы, шли через плешивую, поросшую травкой площадь в Бурмистерскую палату...»; «Стремительно Петр вскочил,

размахивая руками, забегал от озаренных ликом святителей до двери, вкривь и вкось по спальне» [Толстой 1980]. Слово «лик» при описании внешности человека употребляется для придания повествованию оттенка возвышенности, торжественности, а также сохраняет семантику сакральности. Внешность Софьи во время обедни в Успенском соборе описывается следующим образом: «Лик покойный, ладони сложены на груди, и руки, и грудь, плечи, уши, венец жарко пылают камнями. Будто – сама владычица казанская стоит под шатром...» [Толстой 1980]. В бытовом контексте, а также при снижении образа персонажа употребляется современное слово «лицо»: «За Неплюевым поднялся, расплываясь лоснящимся лицом, низенький Фельтен в зеленом вязаном жилете»; «Сизобритое лицо Шафирова расплылось вширь, хитрое, как у дьявола» [Толстой 1980].

Также среди архаических имён существительных в тексте можно выделить группу архаизмов, называющих человека (старец, тятя, дева); процессы (житие); абстрактные категории (лихо). Отметим, что слово «тятя» («(обл. и прост.) То же, что отец» [Ожегов 2006: 820]) употребляется в тексте романа один раз, при этом дважды употреблена уменьшительно-ласкательная форма «тятенька». Характерно также употребление данных слов в качестве обращения: «– Антонида, сядь ты, ешь... / – Да, ах, тятенька...»; «Тятя, исть иди скореея...» [Толстой 1980].

В ходе анализа произведения в числе лексических архаизмов нами было выделено также 10 устаревших глаголов: срамить, измаялась, жалую, (не) тщиться, изволят, поверстан (краткое причастие, глагольная форма), посули, тешиться, толкуют, серчает. Рассмотрим некоторые из них.

Глагол «жалую» является многозначным, причём стилистическую помету «устаревшее» имеет только одно из его значений: награждать чем-либо [Евгеньева 1999]. Значение «любить что-либо» также относится к пассивному словарному запасу русского языка, но маркируется как разговорное. В романе А.Н. Толстого «Петр Первый» данная лексема

функционирует в обоих названных значениях; сравним: «...Оське – на-ка – передай рубль, – жалую, скажи...»; «Но Андрей Денисов его не жаловал и к народу не допускал» [Толстой 1980]. В первом случае употребление глагола «жаловать» обусловлено стремлением передать особенности речи персонажа (реплика принадлежит фельдмаршалу Борису Петровичу Шереметеву), подчеркнуть его высокий социальный статус.

Архаический глагол «тщиться» («Стараться, прилагать усилия» [Ушаков 1940]) употребляется в патетичной обличительной речи Патриарха Иоакима: «...Не тщитесь тем, что, изведя крамолу, привели в мир люди и веси... Скорбит душа моя, не видя единомыслия и процветания в народах... Это ли вертоград процветший?» [Толстой 1980]. Как видим, особенности словоупотребления в данной речи не ограничиваются использованием названного архаического глагола: даже небольшой по объёму фрагмент текста насыщен устаревшими и книжными языковыми единицами («веси», «вертоград», «тщитесь»), приёмами экспрессивного синтаксиса. Можно назвать два фактора, обеспечивающих такое стилистическое своеобразие данного фрагмента. Во-первых, эта речь, как было отмечено выше, представляет собой проповедь, т.е. относится к особому функциональному стилю русского языка – церковно-религиозному. Для данного стиля характерно обилие слов и выражений, относящихся к высокому стилю (в том числе, архаических слов), что обуславливается значительностью самого предмета речи – духовного мира. В связи с этим насыщенность рассматриваемого текстового фрагмента архаизмами закономерна. Во-вторых, несмотря на факт устного произнесения данной речи в качестве проповеди, её текст не является спонтанным, не «рождается» в момент произнесения, а зачитывается Патриархом по тетради: «Иоаким вынул из-под черной мантии тетрадь... медленно перевернул страницу, возвел глаза, надолго прижал персты к осьмиконечному кресту на клобуке, перекрестясь, начал читать...» [Толстой 1980]. Таким образом, изначально письменная

форма существования данного текста также располагает к его усложнению посредством архаической лексики.

Можно отметить также функционирование архаических наречий (8 слов, 15,09% от числа собственно лексических архаизмов), имён прилагательных (7 слов, 13,21%), указательного местоимения «сей» (синонимичное современному «этот»).

Среди отобранных слов представлена лексема «червлён», краткая форма архаического имени прилагательного «червлёный» («Багряный, темнокрасного цвета» [Ушаков 1940]). Данная лексема функционирует в рамках цитируемой в романе письменной речи: «Да на первом же листе ниже писано: «Во имя отца и сына и святого духа... Есть трава именем железка, растет на падах и палях, собой мала, по сторонам девять листочков, наверху три цвета – червлен, багров, синь, та трава вельми сильна...» [Толстой 1980]. Как и в рассмотренном выше фрагменте, здесь наблюдается значительная нагруженность текста архаическими языковыми единицами (цвет (в значении «цветок»), вельми и др.). Лексема «червлён» органично встраивается в ряд других книжных и устаревших слов. Употребление краткой формы свидетельствует о высоком уровне мастерства автора, не только включающего в текст романа собственно архаические слова, но и свободно с ними обращающегося.

Интерес представляет наречие «летось» («...И то ведь оттого, что летось догадались – сами на огороде посадили» [Толстой 1980]), образованное от устаревшего «лето» («год») и определяемое как «в прошлом году» [Ефремова 2000]. Данная лексема не имеет в современном русском языке синонима, выраженного одним словом, таким образом, её использование может быть мотивировано как стилистическими особенностями слова, так и стремлением автора к экономии речевых средств, что характерно для устной речи – лексема употребляется в тексте диалога, в реплике Алексея Бровкина. Также слово «летось» квалифицируется

словарями как просторечное и местное, таким образом, его употребление выступает дополнительным средством речевой характеристики персонажа.

Рассмотрим также функционирование в тексте романа местоимения «сей» и его форм: «Воистину сие выше сил человеческих, великий государь...»; «Мир, мир, – говорил Петр, – а с французами собираетесь воевать, как же сие?»; «А буде король польский и завладел бы Ригой, – не достанется ему сей город, вырву из лап... В сем клянусь богом...»; «Господа шведы, не лучше ли сей мир, чем Шлиссельбурга, Ниеншанца и Юрьева конфузные баталии?..» [Толстой 1980]. Как видно из представленных примеров, наиболее активно данный архаизм функционирует в прямой речи героев романа.

Проанализировав данные группы лексических архаизмов, можно сделать вывод, во-первых, об их широком разнообразии (как в морфологическом, так и в семантическом отношении), и во-вторых, о наличии особых закономерностей их функционирования в тексте романа. Большинство отобранных лексем были использованы либо в прямой речи персонажа, либо в цитировании письменного источника. Таким образом, минимизируется употребление архаизмов в собственно повествовательных фрагментах текста. При помощи подобного неравномерного распределения архаической лексики автору удаётся сохранять баланс между принципом историзма, проявляющемся в изображении достоверной исторической действительности, включая бытовые, культурные и языковые особенности эпохи, и близостью и ясностью текста романа современному читателю, что обеспечивается практически полным отказом от лексики пассивного запаса (в частности, архаизмов) вне речи – как устной, так и письменной – того или иного персонажа.

Рассмотрим следующий тип устаревшей лексики, представленной в романе – лексико-словообразовательные архаизмы, доля которых среди отобранных слов составляет 18,37%. Из них 10 слов (55,56%) относятся к категории имени существительного, ещё четыре слова являются глаголами

(включая глагольную форму – деепричастие «бия»), также представлено местоимение «тя» и два наречия: «послабже», сравнительная степень образована с помощью суффикса «-же-», использующегося для образования компаратива и в современном русском языке («глубже»), но не характерного для данной лексемы (современная форма – «послабее» (прост.), «слабее», суффикс «-ее-»); «напереди», современная форма – «спереди», наблюдается замена приставки).

Говоря об архаических глаголах, отметим наблюдаемые изменения в корне: «пади» («Вдруг закричали: «Пади, пади!»)» [Толстой 1980], совр. «пойди»), «иттить» («...И намерены завтрашнего дни иттить в путь...» [Толстой 1980], совр. «идти»). В глаголе «иттить» также присутствует суффикс «-ть-», отсутствующий в современной форме инфинитива данной лексемы. Если в первом случае (глагол «пади») архаическая форма может быть объяснена особенностями устной речи, такими как редукция гласного [o] и стремление к речевой экономии (избавление от звука [j], создающего паузу при произношении), то глагол «иттить» демонстрирует процессы изменения норм графического отражения ассимилированных звуков (архаическое написание [тт] как «тт» вместо современного «дт»), а также единообразие инфинитивных форм, являющееся скорее интуитивным, т.к. данное слово также употреблено в устной речи и в своей разговорной форме. Отметим, что данное слово употребляется в романе без суффикса «-ть», когда функционирует не в устной речи персонажей: «В тот раз на ревякинском дворе старец исповедал Андрюшку, бил лестницей и велел итти в Ярославль дожидаться денисовской баржи с хлебом»; «Несколько раз бродящий народ, раскричавшись на базаре, собирался итти в Преображенское громить амбары...» [Толстой 1980]. Данная лексема также является единственным лексико-словообразовательным архаизмом, не имеющим в романе современного синонима.

Рассмотрим далее лексико-словообразовательные архаизмы-имена существительные, составляющие большинство отобранных лексем данного типа. Данные слова могут быть разделены на следующие группы:

1) с изменёнными падежными окончаниями (силов (совр. «сил»), князюшко (зват. падеж, совр. «князюшка»);

2) с изменением аффиксов (кус (совр. «кусок»), не видал (совр. «не видел»), бережение (совр. «сбережение»);

3) с выраженными особенностями функционирования предложной формы (по здорову («Королус король Свейский по здорову ли?» [Толстой 1980], совр. «здоров»), в закроме (совр. «в закромах»)).

Изменения в большей части слов, представленных в первой и второй группах, связаны с функционированием данных лексем в прямой речи персонажа и направлены на придание речи разговорного и просторечного звучания: «А боярышни не знаю где, не видал...», «Силов нет, матушка государыня, не идет сокол-то наш...» [Толстой 1980].

Рассмотрим также употребление в тексте романа слов третьей группы: «Королус король Свейский по здорову ли?»; «У пани Анны не закружилась голова, как у дурочки; острый ум ее стал шнырять, как мышь в темном закроме; все надо было обдумать и предвидеть» [Толстой 1980]. В первом случае наблюдается употребление несогласованного определения, выраженного именем существительным с предлогом, вместо краткой формы имени прилагательного («здоров»). Данное явление свидетельствует о разговорном характере высказывания. Слово «закром» («Отгороженное место в зернохранилище или амбаре для ссыпания зерна, муки и т.п.» [Ефремова 2000]) входит в пассивный запас современного русского языка, тогда как активно функционирует форма множественного числа «закрома» (в частности, в составе устойчивых сочетаний «в закромах», «закрома родины» и др.). Употребление слова в единственном числе говорит об отношении его к активному словарному запасу, т.е. является показателем принадлежности говорящего к определённой эпохе.

Обратимся далее к группе лексико-фонетических архаизмов, все лексемы которой могут быть разделены на два типа по характеру изменений:

1) с графически выраженным оглушением/озвончением звука на конце слова (готоф (совр. «готов»), матроз (совр. «матрос»);

2) с изменением звуко-буквенного состава основы (Ржечи Посполитой (совр. «Речи»), титл (совр. «титул»), украины (совр. «окраины»), коровай (совр. «каравай»).

Особый интерес в данном случае представляют лексемы «готоф» («А что изволила мне приказывать, чтоп мне быть в Преображенском, и я быть готоф, только гей гей дело есть: суды все в отделке, за канатами дело стоит. И о том милости прошу, чтоп те канаты ис Пушкарского приказу не мешкав прислали бы» [Толстой 1980]) и «матроз» («Отдай лошадь матрозу, садись в лодку...» [Толстой 1980]). В первом случае графические изменения связаны фонетическим обликом слова (оглушением звука [в] на конце слова), их связь с этимологией современного «готов» не наблюдается [Фасмер 2006], таким образом можно предположить вольное обращение автора с графикой слова в целях маркировки лексемы как устаревшей и просторечной. Однако данное предположение не позволяет исключить рассматриваемое слово из числа лексико-словообразовательных архаизмов, т.к. подход А.Н. Толстого был известен своей документальной точностью и стремлением достоверно передать малейшие нюансы описываемой эпохи, включая языковые явления и процессы. Можно обратить внимание на функционирование в рассматриваемом примере наряду с «готоф» также союза «чтоп» и предлога «ис», иллюстрирующих описываемый процесс сближения графики с фонетикой. Примеры графической фиксации оглушения на конце слова фиксируются и в исторических источниках XVIII века, например, Письмах и бумагах имп. Петра Великого: «К сълужбѣ морской сыскать капитаноф добрых.., которыя б сами в мотрозах бывали, а служъбою дошьли чина» [цит. по: Сорокин 1984–1991]. Введение слова «матроз» также связано с реконструкцией русского языка петровской эпохи. Словарь русского языка

XVIII приводит следующие сведения: «МАТРÓЗ 1694 (мо- 1697, -рós 1696), а, м. род. мн. -роз и -ов. Гол. matroos. Корабельный служитель, низшая должность моряка на флоте... «Сверх надлежащего числа матрозов и солдат, взять на каждое судно около десяти человек лучших торосовщиков. Лом. АСС VI 485» [Сорокин 1984–1991].

Завершим анализ функционирования архаизмов в тексте романа А.Н Толстого «Петр Первый» рассмотрением группы семантических архаизмов, представленной следующими лексемами: лаять (совр. «ругать»), покойный (совр. «спокойный»), убрать (совр. «украсить»), ляжет (совр. «умрёт»), выход (совр. «мероприятие», «визит»), кричать (совр. «провозглашать») и др.

Отметим, что, в отличие от архаизмов рассмотренных выше типов, семантические архаизмы активнее функционируют не в рамках прямой речи, а в составе повествования: «Тут и без войны к ноябрю месяцу ляжет половина народу»; «На балы могла она убрать себя драгоценностями не хуже других, и на грудь вешала портрет Петра Алексеевича, величиной в малое блюдо, в алмазах»; «...а когда их солнце склонится за ночную синеву, – с покойным вздохом оба отойдут в могилу...» [Толстой 1980]. Таким образом, архаическая лексика данного типа используется автором не столько для речевой характеристики персонажа и привнесения элементов просторечия, сколько для воссоздания языковой картины описываемой эпохи. Использование слова в устаревшем значении, при этом интуитивно понятном современному читателю, позволяет следовать принципу историзма, не затрудняя восприятие текста романа, т.к. используемые лексемы существуют в современном русском языке и их привычная форма способствует сохранению включённости читателя в повествование, в отличие от рассматриваемых нами в параграфе 2.2. историзмов. При этом необходимо отметить достаточно ограниченное функционирование в тексте семантических архаизмов – их доля среди отобранных лексем составляет всего 12,24%.

Таким образом, в ходе анализа архаизмов различных типов нами были сделаны выводы о разнородном составе архаической лексики в романе А.Н. Толстого «Петр Первый», а также об особенностях функционирования данных типов в тексте. Так, собственно лексические, лексико-фонетические и лексико-семантические архаизмы функционируют, как правило, в рамках прямой речи персонажа и выполняют функцию создания речевого портрета героя как представителя своей эпохи и сословия, тогда как семантические архаизмы чаще встречаются в собственно повествовательных фрагментах романа, служа авторским инструментом создания специфического колорита эпохи и погружения читателя в атмосферу петровского времени. Широкий спектр архаизмов различных типов свидетельствует о высоком уровне авторского мастерства, о свободном обращении автора с лексикой пассивного запаса современного русского языка, а также о скрупулёзности в исследовании описываемой эпохи, включая речевые особенности её представителей.

ВЫВОДЫ К 2 ГЛАВЕ

В данной главе нами была рассмотрена проблема жанровой квалификации романа А.Н. Толстого «Петр Первый» и особенности функционирования в его тексте архаической лексики: историзмов и архаизмов.

Определение жанра произведения А.Н. Толстого «Петр Первый» как исторического романа является спорным: некоторые исследователи относят данный текст к историческим хроникам, видя в сюжетных линиях вымышленных персонажей исключительно средство иллюстрации событий объективной исторической действительности. Тем не менее, произведению А.Н. Толстого «Петр Первый» присущи следующие черты исторического романа: изображение удалённой от автора исторической эпохи и значимых исторических событий в качестве фона для развития сюжета; органичное

соединение исторической достоверности и художественного вымысла; повествование о выдающихся исторических личностях; соблюдение принципа историзма.

С соблюдением принципа историзма неразрывно связано активное функционирование в тексте романа устаревшей лексики, служащей для воссоздания языковых особенностей описываемой эпохи. В данной главе нами был проведен анализ отобранных лексем (101 историзм, 98 архаизмов), их классификация и описание особенностей функционирования.

Среди функционирующих в романе историзмов выделяются слова, относящиеся к следующим тематическим группам: названия сословий и наименования людей по роду деятельности (27,72%); слова, обозначающие постройки различного предназначения (15,84%); предметы одежды (12,87%); названия видов вооружения (9,9%); воинские звания (6,93%); устаревшие виды транспорта (6,93%); орудия труда и предметы быта (5,94%); административные (4,95%) и денежные единицы (2,97%); устаревшие меры веса и расстояния (1,98%); названия документов (1,98%); виды налоговых выплат (1,98%). Широкое тематическое разнообразие лексики вызвано спецификой текста романа, охватывающего различные сферы общественной жизни и изображающего всё многообразие описываемой эпохи.

Среди архаизмов были выделены следующие группы: собственно лексические архаизмы (54,08%), лексико-словообразовательные (18,37%), лексико-фонетические (15,31%), семантические (12,24%). Особенность функционирования архаизмов заключается в их концентрации в рамках прямой речи персонажей, что говорит о выведении на первый план функции средства речевой характеристики героя (в данном случае – как представителя описываемой эпохи). В отличие от архаизмов, историзмы равномерно распределены по тексту произведения, присутствуя в равной степени как в прямой речи героев, так и в тексте сюжетного повествования, что связано с необходимостью комплексного изображения описываемой эпохи, включающего устаревшие предметы и явления.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе изучения теоретического материала, посвящённого проблеме исследования архаической лексики, нами была сформулирована точка зрения на данный лексический пласт как на являющийся частью современного русского языка и наделённый собственными функциями, несмотря на переход устаревшей лексики в пассивный словарный запас. Различные подходы к классификации архаической лексики наглядно демонстрируют её неразрывную связь с современной лексической системой русского языка. Сохраняясь в качестве стилистического средства, архаическая лексика не вытесняется полностью за рамки языка.

Наиболее ярко архаическая лексика проявляется в художественной литературе, в частности, в произведениях исторической направленности. Одним из таких произведений является рассматриваемый нами исторический роман А.Н. Толстого «Петр Первый». Творческий метод А.Н. Толстого отличается вниманием к деталям, характеризующим историческую действительность, включая используемую в романе характерную для описываемого исторического периода лексику. Таким образом, роман А.Н. Толстого «Петр Первый» выступает уникальным источником сведений о функционировании в текстах XX века лексики, относящейся к эпохе Российской Империи, в частности, времени правления Петра I.

Специфика данного романа как исторического произведения способствует широкому использованию историзмов, т.е. архаической лексики, называющей вышедшие из обихода предметы и устаревшие явления. В ходе анализа историзмов нами было выявлено, что данная лексика тематически разнообразна и служит для обозначения и описания людей, предметов быта, реалий мирной и военной жизни России XVII – XVIII веков. Именно использование историзмов служит для однозначного определения описываемых событий как относящихся к конкретной исторической эпохе. Масштабы же описываемых событий, затрагивающих представителей

различных социальных групп и сословий, способствуют максимальному расширению тематического состава данной лексической группы.

Функции архаизмов в романе отличаются от функций историзмов. Если использование историзмов служит для отнесения тех или иных событий к конкретному историческому периоду, то функционирование архаизмов способствует созданию определенной атмосферы эпохи, воссозданию целостной картины исторической действительности, погружению читателя в мир описываемого периода. В отличие от историзмов, равномерно распределенных по тексту романа, архаизмы употребляются преимущественно в прямой речи героев, выступая таким образом средством их речевой характеристики.

Употребление историзмов и архаизмов является одним из ведущих средств соблюдения принципа историзма, т.е. достоверного изображения в художественном произведении описываемой эпохи во всей полноте присущих ей явлений, включая специфические особенности быта, обозначаемые историзмами, и языковое своеобразие, характерное для речи представителей данной эпохи, передаваемое с помощью архаизмов. Таким образом, устаревшая лексика является одним из ведущих факторов квалификации того или иного художественного произведения как исторического. Мастерское обращение автора с лексикой пассивного запаса, позволяющее придать устаревшим словам живое органичное звучание в тексте, свидетельствует о высоком уровне писательского мастерства и является одной из характерных черт творчества А.Н. Толстого.

Тема архаической лексики, несмотря на высокую степень разработанности, является перспективным направлением дальнейших исследований. В частности, интерес представляет более подробное изучение функционирования в тексте отдельных лексико-тематических групп, а также особенностей речевой характеристики героя с помощью слов пассивного запаса.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Акимова, А.С. «В усадьбах на Москве»: роман А.Н. Толстого «Петр Первый» как усадебный текст / А.С. Акимова // Вестник славянских культур. – Москва, 2020. – № 58. – С. 235-244.
2. Акимова, А.С. Исправленный «Петр Первый»: к истории текста романа А.Н. Толстого / А.С. Акимова // Studia litterarum. – Москва, 2016. – Т. 1. – № 3-4. – С. 262-277.
3. Акимова, А.С. О документальных источниках романа А.Н. Толстого «Петр Первый» / А.С. Акимова // Ученые записки Новгородского государственного ун-та. – Великий Новгород, 2018. – № 6 (18). – С. 1.
4. Акимова, А.С. Своеобразие «усадебного топоса» в романе А.Н. Толстого «Петр Первый» / А.С. Акимова // Феномен русской литературной усадьбы: от Чехова до Сорокина: коллективная монография / отв. ред. О.А. Богданова. – Москва: Изд-во ИМЛИ РАН, 2020. – С. 262-272.
5. Алексей Толстой о литературе / сост. Ю.М. Оклянский, Н.В. Лихова. – Москва: Советский писатель, 1956. – 388 с.
6. Алпеева, Л.С. Художественные функции архаизмов и историзмов в произведениях В. М. Шукшина / Л.С. Алпеева // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2019. – № 7 (июль). – 9 с.
7. Арапов, М.В. Пассивный словарь / М.В. Арапов // Лингвистический энциклопедический словарь. – Москва, 1990. – С. 369
8. Баранов, В.И. Из творческой истории романа А.Н. Толстого «Петр Первый» / В.И. Баранов // Филологические науки. – Москва, 1983. – № 1. – С. 3-11.
9. Белоусова, А.С. Архаизмы / А.С. Белоусова // Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. – 703 с.

10. Белоусова, А.С.. Устаревшие слова / А.С. Белоусова // Русский язык. Энциклопедия / Глав. ред. Ф.П. Филин. – Москва: Изд-во «Советская энциклопедия», 1979. – 437 с.
11. Бисимбаева, В.А. Устаревшая лексика в произведениях А.П. Гайдара / В.А. Бисимбаева, Л.Н. Мишина // Благословенны первые шаги... Сборник работ молодых исследователей / Под ред. С.Г. Шулежковой. – Магнитогорск: Изд-во МГТУ им. Г.И. Носова, 2019. – С. 62-66.
12. Буслаев, Ф.И. О преподавании отечественного языка. Ч. 1-2 / Ф.И. Буслаев. – Москва: Унив. тип., 1844. – 335 с.
13. Вороничев, О.Е. Лексико-словообразовательные архаизмы в произведениях А.К. Толстого об эпохе Ивана Грозного / О.Е. Вороничев // Вопросы современной филологии и проблемы методики обучения языкам. Сборник науч. статей по итогам V Междунар. научн.-практ. . – конф. // Под ред. В.С. Артемовой, Н.А. Сальниковой, Е.А. Цыганковой. – Брянск, 2017. – С. 8-13.
14. Вороничев, О.Е. Семантические архаизмы в романе А.К. Толстого «Князь серебряный» как средство воплощения идейно-художественного замысла произведения / О.Е. Вороничев // Проблемы и тенденции развития социокультурного пространства России: история и современность. Матер. междунар. научн.-практ. конф. // Под ред. Т.И. Рябовой. – Брянск: Изд-во БГИТУ, 2015. – С. 123-127.
15. Галкина Н.П. Роль и место устаревших союзов в современной публицистике / Н.П. Галкина // Известия Смоленского государственного ун-та. – Смоленск, 2021. – № 1 (53). – С. 86-101.
16. Генералова, Е.В. Медиатекст как отражение динамических хронологических изменений в лексике и фразеологии / Е.В. Генералова // Медиалингвистика. – Санкт-Петербург, 2021. – № 8 (2). – С. 180–192.
17. Гиголаева, А.Т. Имя собственное как культурный концепт (на материале художественно-исторического нарратива А.Н. Толстого «Петр первый») /

- А.Т. Гиголаева, Е.Е. Панарина, И.С. Голубева // Вестник научных конференций. – Тамбов, 2019. – № 1-2 (41). – С. 46-48.
18. Голованевский, А.Л. Архаизмы в русской поэзии XIX в.: Ф.И. Тютчев – А.С. Пушкин / А.Л. Голованевский // Русский язык в школе. – Москва, 2011. – № 4. – С. 49-54.
19. Голуб, И.Б. Книга о хорошей речи / И.Б. Голуб, Д.Э. Розенталь. – Москва: Культура и спорт, ЮНИТИ, 1997. – 539 с.
20. Гончарова, Т.А. Устаревшая лексика в языке современной мультипликации / Т.А. Гончарова // Новые горизонты русистики. – Донецк, 2018. – № 3. – С. 10-13.
21. Горская, С.А. Практикум по современному русскому языку: Лексика. Фразеология. Лексикография. Часть I: Теория для студентов специальности 1-21 05 02 / С.А. Горская. – Гродно, 2008.
22. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль // Толковый словарь Даля онлайн: сайт. – 1866. – URL: <http://slovardalja.net/> (дата обращения: 11.03.2022 – 14.05.2022). – Текст: электронный.
23. Дьякова, Т.А. Функционирование лексических архаизмов-наименований лиц в произведениях Михаила Матусовского / Т.А. Дьякова // Вестник Воронежского государственного университета. Филология. Журналистика. – Воронеж, 2021. – № 4. – С. 25-27.
24. Еднералова, Н.Г. Устаревшая лексика русского языка новейшего периода и ее восприятие языковым сознанием современных школьников – автореф. дис. на соиск. уч. степени кан. филол. Наук / Н.Г. Еднералова. – Воронеж, 2003. – 28 с.
25. Еднералова, Н.Г. Устаревшая лексика русского языка новейшего периода / Н.Г. Еднералова. – Воронеж, 2003. – С. 326.
26. Емельянова, О.Н. О «пассивном словарном запасе языка» и «устаревшей лексике» / О.Н. Емельянова // Русская речь. – Москва, 2004. – № 1. – С. 46-50.

27. Ерофеева, Т.И. Устаревшее слово в речевом узусе современного города (стратификационное исследование) / Т.И. Ерофеева // Вестник Пермского ун-та. – Пермь, 2009. – № 2. – С. 5-11.
28. Ефремова, Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т.Ф. Ефремова // Толковый словарь русского языка Ефремовой: сайт. – Москва: Русский язык, 2000. – URL: <https://www.efremova.info/> (дата обращения: 11.03.2022 – 14.05.2022). – Текст: электронный.
29. Заграничнов, Е.С. Коннотативная семантика актуального слова «чиновник» / Е.С. Заграничнов // Бюллетень медицинских Интернет-конференций. – 2013. – Т. 3. – № 2. – С. 97.
30. Зайцева, И.А. Фразеологизмы в русском языке как «хранители» праславянского корнеслова (на примере фразеологических единиц с лексическими архаизмами) / И.А. Зайцева, Т.В. Сатина, А.С. Торосян // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: ООО «Изд-во «Грамота», 2021. – Т. 14. – № 7. – С. 2084-2088.
31. Исаева, З.М. Устаревшая лексика в комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» / З.М. Исаева // Молодежь и образование XXI века. Матер. XIV Межвуз. научн.-практ. конф. студентов и молодых ученых // под ред. М.Ю. Чотчаевой, Р.Э. Германа, И.В. Цифановой. – Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2017. – С. 243-245.
32. Кадим, М.М. Устаревшая лексика в комедии Н.В.Гоголя "Ревизор" и её изучение в арабской аудитории / М.М. Кадим // Научный вестник – Воронежский государственный архитектурно-строительный университет. – Воронеж, 2010.- № 2 (14). – С.181-185.
33. Камаева, Р.Б. Архаизмы как одна из основных категорий устаревшей лексики / Р.Б. Камаева // Вестник Башкирского университета. – 2012. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/arhaizmy-kak-odna-iz-osnovnyh-kategoriy-ustarevshey-leksiki> (дата обращения: 12.03.2022). – Текст: электронный.

34. Кодзоева, Ф.З. Синтез исторического и художественного в романе А. Толстого «Петр Первый» / Ф.З. Кодзоева, М.И. Мальсагова // Современное образование: актуальные вопросы, достижения и инновации. Сборник статей XVIII Междунар. научн.-практ. конф. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2018. – С. 27-29.
35. Кольцова, Л.М. Познавательная ценность историзмов и архаизмов в стихотворениях А.В. Кольцова / Л.М. Кольцова, О.А. Швецова // Русский язык в школе. – Москва, 2016. – № 2. – С. 10-15.
36. Кончакова, Е.В. Устаревшая лексика А.С. Пушкина на современном уроке русского языка / Е.В. Кончакова // Начало пути. Сборник науч. работ молодых ученых и аспирантов фил. фак-та ВГУ. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2004. – Вып. 2. – С.55-61.
37. Королев, И. Е. Фольклорные, мифологические и литературные источники сказок А. С. Пушкина / И. Е. Королев, М. В. Шкирева // Юный ученый. – 2020. – № 8 (38). – С. 8-14.
38. Коростелева, Т.В. Архаизмы как средство экспликации имплицитности / Т.В. Коростелева // Инновационные технологии в науке и образовании. – Чебоксары, 2016. – № 1-2 (5). – С. 134-135.
39. Кузнецова, Н.В. Классификация архаизмов в английских народных песнях / Н.В. Кузнецова, Ю.В. Привалова // Современные наукоемкие технологии. – Москва, 2013. – № 7-1. – С. 78-79.
40. Курико, Е.В. Устаревшая лексика в современном газетном тексте / Е.В. Курико // Матер. Всерос. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых, посвящ. году российского кино в 3 ч. – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГИКиТ, 2017. – С. 22-24.
41. Лисина, Л.А. Устаревшая лексика в поэмах А.С. Пушкина / Л.А. Лисина, Д.Д. Леликов // Вестник научного общества студентов, аспирантов и молодых ученых. – Комсомольск-на-Амуре, 2018. – № 3. – С. 43-46.
42. Лобин, А.М. Роман «Петр Первый» как новый этап развития исторического романа / А.М. Лобин // Вестник Ульяновского

- государственного технического ун-та. – Ульяновск, 2004. – № 2 (26). – С. 17-20.
43. Лобин, А.М. Романы о Петре I в русской литературе XX века: проблема жанра / А.М. Лобин // Вестник Ульяновского государственного технического ун-та. – Ульяновск, 2006. – № 1 (33). – С. 10-13.
44. Маркова, Е.И. Потешный мир Петра и жанровые проблемы исторического романа / Е.И. Маркова // Жанр и композиция литературного произведения. – Петрозаводск, 1981. – С. 133-148.
45. Махиборода, А.Ф. Устаревшая лексика в системе современного русского языка / А.Ф. Махиборода // Мы говорим на одном языке. Матер. междунар. межвуз. студ. конф. РГГМУ. – Санкт-Петербург: Изд-во РГГМУ, 2019. – С. 26-29.
46. Новиков, В.В. Художественная правда и диалектика творчества / В.В. Новиков. – Москва: Художественная литература, 1988. – 275 с.
47. Новикова, Т.Ф. Устаревшая лексика как лингвокультурный феномен и ее роль в формировании интереса к родному языку / Т.Ф. Новикова, С.Е. Терехова // Научные ведомости БелГУ. Гуманитарные науки. – Белгород, 2014. – № 6 (177). – С. 19-26.
48. Ожегов, С.И. К вопросу об изменениях словарного состава русского языка в советскую эпоху / С.И. Ожегов // Вопросы языкознания. – Москва, 1953. – № 2. – С. 80.
49. Орлова, И.А. К вопросу о составе устаревшей лексики в современном русском языке / И.А. Орлова // Рациональное и эмоциональное в русском языке-2019. Сборн. труд. Межд. научн. конф., посвящённой памяти профессора П.А. Леканта / Редколлегия: Н.Б. Самсонов [и др.]. – Москва: Изд-во МГОУ, 2019. – С. 223-226.
50. Пескова, Е.А. Репрезентация устаревшей лексики в художественном тексте (на материале произведений А.С. Пушкина) / Е.А. Пескова, Т.В. Колужко // Казанская наука. – Казань, 2021. – № 2. – С. 57-59.

51. Петров, С. М. Исторический роман в русской литературе / С.М. Петров. – Москва: Изд-во министерства просвещения, 1961. — 233 с.
52. Петрушенко, В.Д. Функции устаревшей лексики в сказках А.С. Пушкина / В.Д. Петрушенко // Вестник научных конференций. – Тамбов, 2020. – № 10-3 (62). – С. 95-97.
53. Розенталь, Д.Э. Современный русский язык / Д.Э. Розенталь, И.Б. Голуб, М.А. Теленкова. – Москва: Айрис-Пресс, 2002.
54. Свердленко, К.С. Устаревшая лексика в поэме С.А. Есенина «Марфа Посадница» / К.С. Свердленко // Современное есениноведение. – Рязань, 2020. – № 3 (54). – С. 88-94.
55. Седина, И.В. Устаревшая лексика в составе современного русского языка / И.В. Седина, Е.Н. Фалина // Теория и практика современной науки. – Саратов, 2016. – № 6-2 (12). – С. 148-151.
56. Складьевская, Г.Н. Заметки о лексикографической стилистике / Г.Н. Складьевская // Современность и словари. – Ленинград, 1978. – С. 106.
57. Складьевская, Г.Н. Заметки о лексикографической стилистике / Г.Н. Складьевская // Современность и словари. – Ленинград, 1978. – С. 106.
58. Словарь русского языка XVIII века / АН СССР. Ин-т рус. яз.; гл. ред. Ю.С. Сорокин // Фундаментальная электронная библиотека: русская литература и фольклор: сайт. – Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1984-1991. – URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/> (дата обращения: 27.03.2022). – Текст: электронный.
59. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А.П. Евгеньевой // Фундаментальная электронная библиотека: русская литература и фольклор: сайт. – 4-е изд., стер. – Т. 1. А-Й. – Москва: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. – 702 с. – URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения: 27.03.2022). – Текст: электронный.

60. Словарь устаревших слов // Крепеничка. Возрождая традиции...: сайт. – URL: <https://www.krupenichka.ru/ustarevshie-slova/slovar-ustarevshih-slov.html>. – (дата обращения: 01.03.2022). – Текст: электронный.
61. Сороколетов, Ф.П. Пассивный словарь / Ф.П. Сороколетов // Русский язык: Энциклопедия. – Москва, 1979. – С. 199.
62. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной // Русский язык: сайт. – 2003. – URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/stylistic-dictionary/index.htm> (дата обращения: 27.02.2022). – Текст: электронный.
63. Темаева, Х.Н. Жанр исторического романа в творчестве А.Н. Толстого / Х.Н. Темаева // Мир науки, культуры, образования. – Горно-Алтайск, 2020. – № 5 (84). – С. 399-401.
64. Толстой, А.Н. Петр Первый / А.Н. Толстой. – Кыргызстан, 1980. – 748 с.
65. Ушаков, Д.Н. Большой толковый словарь русского языка / Д.Н. Ушаков // Толковый словарь Ушакова: сайт. – 1940. – URL: <https://ushakovdictionary.ru/> (дата обращения: 11.03.2022 – 14.05.2022). – Текст: электронный.
66. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер // Лексикографический интернет-портал: онлайн-словари русского языка. Этимологический онлайн-словарь русского языка Макса Фасмера: сайт. – 2006. – URL: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/> (дата обращения: 27.03.2022). – Текст: электронный.
67. Хайрутдинова, Г.А. Креативный потенциал грамматических архаизмов / Г.А. Хайрутдинова // Филология и культура. – Казань, 2020. – № 1 (59). – С. 121-125.
68. Хамхоева Ф.М. Актуализация устаревшей лексики в новом речевом контексте / Ф.М. Хамхоева // Символ науки: международный научный журнал. – Уфа, 2021. – № 2. – С. 51-52.
69. Харитоновна, О.А. Особенности передачи русских исторических реалий в романе А.Н. Толстого «Петр Первый» на английский язык /

- О.А. Харитонова // Юность большой Волги: сборник статей лауреатов XVIII межрег. конф.-фест. научн. творчества учащейся молодежи. – Чебоксары, 2016. – С. 200-203.
70. Харитонова, О.А. Стилистические функции исторических реалий в романе А.Н. Толстого «Петр Первый» / О.А. Харитонова // Вопросы лингводидактики и переводоведения. – Чебоксары: Изд-во ЧГПУ им. И.Я. Яковлева, 2017. – С. 301-304.
71. Чепель, Н.П. Приемы воссоздания национально-исторического колорита оригинала в переводе (на материале перевода романа А.Н. Толстого «Петр Первый» на английский язык) / Н.П. Чепель // Вестник Волгоградского государственного ун-та. Серия 2: Языкознание. – Волгоград, 2010. – № 2 (12). – С. 120-125.
72. Черных, П.Я. Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период / П.Я. Черных. – Москва, 1956. – С. 17.
73. Швец, В.А. Понятие и особенности устаревшей лексики / В.А. Швец // Формирование профессиональной компетентности филолога в поликультурной образовательной среде. Матер. I Междунар. научн.-практ. конф. / Под общ. ред. И.Б. Каменской. – Симферополь: ООО «Издательство Типография «Ариал», 2018. – С. 286-290.
74. Шестакова, Н.А. Собственно лексические архаизмы в русском языке / Н.А. Шестакова // Русский язык в школе. – Москва, 2014. – № 5. – С. 27-32.
75. Шубина, Н.Г. Опыт рассмотрения устаревших слов как единиц художественного текста (на примере романа А.Н. Толстого «Петр Первый» / Н.Г. Шубина, Н.Д. Кубышкина // Актуальные проблемы современной науки в 21 веке: сборник матер. XV Междунар. научн.-практ. конф. – Махачкала: ООО «Апробация», 2017. – С. 79-83.
76. Щелок, Т.И. Виды архаизмов в русском языке / Т.И. Щелок // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – Прага, 2015. – № 45. – С. 23-25.

77. Эсанов, У.Д. Об особенностях употребления украинизмов и архаизмов в произведениях Н.С. Лескова / У.Д. Эсанов // Иностранные языки в Узбекистане. – Ташкент, 2019. – № 2 (25). – С. 6-12.
78. Юрина, В.И. Жанрообразующие признаки исторического романа / В.И. Юрина // Молодой ученый. – 2020. – № 17 (307). – С. 447-449.

ПРИЛОЖЕНИЕ А. ИСТОРИЗМЫ В РОМАНЕ А.Н. ТОЛСТОГО «ПЕТР ПЕРВЫЙ»

Авторские сокращения типов архаизмов по семантике:

- 1) строй. – слова, обозначающие постройки, строения различного предназначения, а также их части;
- 2) лиц. – слова, обозначающие лица или группы лиц по сословному признаку, а также по роду деятельности (исключая военные звания).
- 3) в. зван. – слова, обозначающие воинские звания и названия родов войск;
- 4) оруж. – слова, обозначающие различные виды вооружения;
- 5) быт. – слова, обозначающие орудия труда и предметы быта;
- 6) трансп. – слова, обозначающие виды транспорта и предметы, относящиеся к данной сфере;
- 7) одежд. – слова, обозначающие предметы одежды, обуви, а также аксессуары;
- 8) ден. ед. – слова, обозначающие денежные единицы;
- 9) мер. – слова, обозначающие устаревшие меры веса, времени, расстояния;
- 10) док. – слова, обозначающие названия документов;
- 11) адм. ед. – слова, обозначающие административные единицы;
- 12) плат. – слова, обозначающие виды налоговых выплат.

Сокращения названий частей речи:

- 1) сущ. – имя существительное;
- 2) субст. прил. – субстантивированное имя прилагательное.

Таблица 2. Типы историзмов в романе А.Н. Толстого «Петр Первый»

№	Лексема	Контекст употребления	Часть речи	Тип историзма
1	хоромы	Туда, в хоромы, вело крыльцо с крутой лестницей.	сущ.	строй.
2	помещик	Конечно, старики рассказывают, прежде легче было: не понравилось, ушел к другому помещику.	сущ.	лиц.
3	боярин	«Боярин велел, – распрягайте. Ночевать велел. Лошадям задавать – избави, боже, боярское сено...»	сущ.	лиц.
4	сотник	Покуда до сотника доберешься, – горб изломают.	сущ.	в. зван.
5	смерд	А вчера после вечерни дядюшка Иван Михайлович про тебя говорил: «Читал, мол, мне Василий Васильевич из тетради про смердов, про мужиков, – подивился я: уж здоров ли головкой князюшка-то?»	сущ.	лиц.
6	аустерия	Такие беседы бывали по вечерам на подметенной площадке перед дверью аустерии Иоганна Монса.	сущ.	строй.
7	гетман	И вот тебе на гетмана донос, прочти и пошли в Москву, не медли, потому что нам не под силу терпеть его своеволие:	сущ.	в. зван.
8	шляхетство	разбогател, шляхетство разорил, старшине казацкой при нем нельзя в шапках стоять.	сущ.	лиц.
9	мортира	Плетенные из ивняка фашины и мешки с песком прикрывали	сущ.	оруж.

		ряды бронзовых пушек, мортир и единорогов.		
10	летник	Поверх летника – широкий опашень клюквенного сукна со ста двадцатью финифтяными пуговицами, еще поверх – подволоку, сребротканную, на легком меху, мантию, тяжело шитую жемчугом.	сущ.	одежд.
11	опашень		сущ.	одежд.
12	подволока		сущ.	одежд.
13	бармы	На царе были бармы и отцовские, – ему едва не по колена, – золотые ризы.	сущ.	одежд.
14	епанча	На каменном крыльце, на затоптанных снегом коврах гостей встречали два шута, Томос и Сека, один – в испанской черной епанче до пояса и в соломенной шляпе с вороньими крыльями, другой – турок в двухаршинной рогожной чалме с пришитым наперед свинным ухом.	сущ.	одежд.
15	стольник	«Я говорил матери, – хочу за границу послать человек пятьдесят стольников, кто поразумнее – учиться у вас же...»	сущ.	лиц.
16	сени	В сенях захлопали двери, морозные голоса разрушили томную тишину, царица, сдержав зевок, перекрестила рот.	сущ.	строй.
17	кистень	«И далее вижу я, – боярский сын, и ремесленник, и крестьянин берут кистень и, зажгя дворы свои, уходят в леса свирепства своего ради. Крестьянин, где твоя соха?»	сущ.	оруж.
18	соха		сущ.	быт.

19	оглобля	Небольшая станица на острове посреди Дона была окружена, как горелым лесом, оглоблями обозов.	сущ.	трансп.
20	маркитант	«Маркитантки-девки есть у тебя при лагере, господин генерал? – спросил Головин, тоже отстегивая латы»	сущ.	лиц.
21	ярыжка	Ярыжки хватали таких крикунов, тащили в Преображенский приказ.	сущ.	лиц.
22	целовальник	Отперли кабак. На крыльцо вышел всем известный кабатчик-целовальник.	сущ.	лиц.
23	кафтан	Мягкий посадский в стрелецком кафтане (многие теперь донашивали стрелецкие кафтаны и колпаки, – стрельчихи с воем, чуть не даром, отдавали рухлядь), посадский этот застучал ногтями по оловянному стаканчику...	сущ.	одежд.
24	генерал-провиант	Для снабжения учредить новый приказ – «Провиантское ведомство» – под началом генерал-провианта.	сущ.	в. зван.
25	палаты	Дом у Бровкина был заведен по иноземному образцу: кроме обычных трех палат, – спальни, крестовой и столовой, – была четвертая – гостиная, где гостей выдерживали до обеда...	сущ.	строй.
26	мажордом	И мажордом, туда же, пропал.	сущ.	лиц.
27	корчма	В жаркой корчме пахло кислым.	сущ.	строй.

28	челобитная	Была слезная челобитная государственных крестьян на кунгурского воеводу Сухотина, что он-де стал брать со всякого двора сверх всех даней по восьми алтын себе в корысть и велит избы и бани запечатывать...	субст. прил.	док.
29	стряпчие	Быть на коне всем стольникам, стряпчим, дворянам московским и жильцам и всем чинам, писанным в ученье ратного дела.	субст. прил.	лиц.
30	пуд	Бурмистерская палата пожертвовала на сей случай двадцать пять пудов восковых свечей, да многие именитые поставили отдельно свечи – кто в полпуда, а кто и в пуд.	сущ.	мер.
31	онучи	Казенные башмаки у всех развалились к чорту, – хорошо, кто добыл лапти с онучами, другие обматывали ноги тряпьем.	сущ.	одежд.
32	драгун	Усатый драгун накинул ей поперех платишка мятый солдатский плащ (августовский день был прохладен) и сейчас старался оттереть ее плечом от фельдмаршала.	сущ.	в. зван.
33	крепостной (человек)	«Федя, мне под Нарвой рассказывал крепостной человек Бориса Петровича про итальянскую страну...»	прил.	лиц.
34	подьячий	«Одного боимся – попов с подьячими...»	субст. прил.	лиц.
35	карга	Карга Натальи вскачь неслась по Немецкой слободе мимо	сущ.	трансп.

36	слобода	деревянных домиков, искусно выкрашенных под кирпич, приземистых, длинных купеческих амбаров с воротами, окованными железом, мимо забавно подстриженных деревьев в палисадниках...	сущ.	адм. ед.
37	кружало	Певчие эти до того избаловались, – в будни ходят в малиновых шелковых рубашках, в куньих высоких шапках и в сафьяновых сапогах, постоянно вымогают у царевен деньги и пропивают их в кружале у Покровских ворот.	сущ.	строй.
38	цейхгауз	Обоим было указано ставить на левом берегу Невы, повыше устья Фонтанки, амбары, или цейхгаузы, у воды – причалы, на воде – боны и крепить весь берег сваями – в ожидании первых кораблей балтийского флота, который со всем поспешением строился близ Лодейного Поля на Свири.	сущ.	строй.
39	скороход	Перед самым рождеством, под вечер, прибежал на двор Ивана Артемьича дворцовый скороход и сказал, что-де «Гавриле Иванову Бровкину велено тотчас быть во дворце».	сущ.	лиц.
40	недоросль	...к тому же он обводил китайской тушью законченный чертеж двухпалубного корабля для воронежской верфи и хотел этот чертеж показать своим ученикам в Навигационной школе, что в Сухаревой башне, где по приказу Петра Алексеевича преподавал дворянским недорослям корабельное искусство.	сущ.	лиц.
41	царевна	На другой вечер царевна Наталья опять велела ему быть у себя	сущ.	лиц.

		и прочла «Пещное действо» – свою, неоконченную еще, комедию о трех отроках в огненной печи.		
42	челядь	«Со скуки рано пообедал, спать лег на, часок, а – просыпаюсь – в доме нет никого, ни гостей, ни челяди»		лиц.
43	лапти	Здесь, на краю русской земли, у отвоеванного морского залива, за столом у Меншикова сидели люди новые, – те, что по указанию царя Петра: – «отныне знатность по годности считать» – одним талантом своим выбились из курной избы, переобули лапти на юфтевые тупоносые башмаки с пряжками...	сущ.	одежд.
44	готовальня	В просторном полотняном шатре заботами Нартова, так же как и в петербургском домике, были разложены на походном столе готовальни, инструменты, бумаги, военные карты.	сущ.	быт.
45	ефимок	«Макаров! – позвал он. – Спорить хочешь на десять ефимков?»	сущ.	ден. ед.
46	подорожная	Гаврила Бровкин без отдыха скакал в Москву, – с царской подорожной, на перекладной тройке, в короткой телеге на железном ходу.	субст. прил.	док.
47	сажень	На сто сажень впереди тройки летело Гаврилино нетерпеливое сердце.	сущ.	мер.
48	ямщик	Гаврила, схватив ямщика за плечо, указывал – в какие сворачивать кривые переулки...	сущ.	лиц.

49	алтын	«Известно вам, господин фельдмаршал, во сколько алтын обходится мне каждая бомба? – угрюмо проговорил Петр Алексеевич»	сущ.	ден. ед.
50	кирасир	Мрачные кирасиры – его конвой, также схваченные, не могли к нему пробиться...	сущ.	в. зван.
51	лучина	На шестке ярко загорелись лучины.	сущ.	быт.
52	усадьба	Упал боком на сани и, раскатившись за воротами, рысцой поехал мимо осыпанных снегом высоких елей на усадьбу сына дворянского Волкова.	сущ.	строй.
53	светец	Падали со светца в воду, шипели угольки лучины.	сущ.	быт.
54	панцырь	А надо было по верстке быть на государевой службе на коне добром, в панцыре, с саблею, с пищалью и вести с собой ратников, троих мужиков на конях же, в тегилеях, в саблях, в саадаках...	сущ.	оруж.
55	пищаль		сущ.	оруж.
56	тегиляй		сущ.	оруж.
57	саадак		сущ.	оруж.
58	дань	Что ни год – новый наказ, новые деньги – кормовые, дорожные, дани и оброки.	сущ.	плат.
59	оброк		сущ.	плат.

60	подклеть	Нижнее жильё избы – подклеть – из могучих бревен.	сущ.	строй.
61	батог	«Сегодня батогов воз привезли для вашего-то брата...»	сущ.	оруж.
62	холоп	Все стали холопами.	сущ.	лиц.
63	полати	Иван, не дожидаясь, когда смажут по уху, полез на полати.	сущ.	строй.
64	надел	«Так, чем их за это наделов лишить, из дворов выбить прочь, – их селами жалуют...»	сущ.	адм. ед.
65	сани	Цыган изругался по-черному и по-матерному, бросил в сани хомут и дугу и лег сам, зарылся в солому с досады...	сущ.	трансп.
66	хомут		сущ.	трансп.
67	постельничий	...постный и благостный старец, книжник, первый постельничий – Алексей Тимофеевич Лихачев...	субст. прил.	лиц.
68	купец	«Купца бы найти, наняться – пирогами торговать, – сказал Алешка»	сущ.	лиц.
69	конек	На Варварке стоит низенькая изба в шесть окон, с коньками и петухами – кружало – царев кабак.	сущ.	строй.
70	петух (архитект. элемент)		сущ.	строй.

71	розвальни	Много запряженных розвальней и купецких, с расписными задками, саней стоит у ворот и на дворе.	сущ.	трансп.
72	посадский	Туда, если сунется ярыжка какой-нибудь или пьяный посадский, – окликнет целовальник, надвинув брови, – не послушаешь честью – возьмет сзади за портки и выбьет одним духом из кабака.	субст. прил.	лиц.
73	гостинодворец	Там, в кабаке, в чистой избе стояли стрельцы и гостинодворцы.	сущ.	лиц.
74	мушкетер	У чугунных пушек дремал в бараньем тулупе немец-мушкетер.	сущ.	в. зван.
75	балаган	По той ее стороне тесно громоздились дощатые лавки, балаганы, рогожные палатки.	сущ.	строй.
76	кисет	Вдова купчиха, подняв юбку, вынула из привешенного под животом кисета две полкопейки, подала, степенно перекрестилась.	сущ.	быт.
77	воевода	Это был Тараруй, – как прозвали его в Москве, – князь Иван Андреевич Хованский, воевода, боярин древней крови и великий ненавистник худородных Нарышкиных.	сущ.	в. зван.
78	наместник	Царственные большие печати и государственных посольских дел оберегатель и наместник новгородский, князь Василий Васильевич Голицын, потребовал от поляков вернуть Киев.	сущ.	лиц.

79	харчевня	С площади он поехал ночевать в харчевню.	сущ.	строй.
80	уезд	Возвращаться в уезд к отцу и думать не хотелось.	сущ.	адм. ед.
81	зипун	У стен – сундуки и ларцы, покрытые шелком и бархатом. Любую такую покрывку – на зипун или на ферязь, и во сне не приснится...	сущ.	одежд.
82	ферязь		сущ.	одежд.
83	туфейка	На Степкиной обритой голове – вышитая камнями туфейка.	сущ.	одежд.
84	светлица	Вдова, царица Наталья, узнав, кричала: «Царевна-де и трон скоро велит в светлицу к себе приволочь».	сущ.	строй.
85	венец	Подошла к зеркальцу – поправить венец, и рассеянно скользнула по своему отражению – некрасива, но ведь любит...	сущ.	одежд.
86	бердыш	Вот бегом прошли стрельцы, звякая бердышами, – народ расступился, глядя на них в страхе.	сущ.	оруж.
87	целковый	Хлеба не было, соли не было, деньги стали дешевы, серебряный-то целковый казна переплавляла на медный.	субст. прил.	ден. ед.
88	приказ	В узких проулках между дворов, каменных монастырских оград и желтых стен длинного здания приказов валялись убитые и ползали со стенами раненые боярские челядинцы.	сущ.	строй.

89	челобитчик	«Стрельцы! Идите спокойно по домам... Если что надо, – есть какие просьбы и жалобы, – присылайте челобитчиков...»	сущ.	лиц.
90	нагайка	С крыльца сбежал, весь в алом бархате, в соболях, в звенящем оружии, князь Михайла Долгорукий, сын стрелецкого начальника, холеный и надменный, закричал на стрельцов, размахивая нагайкой...	сущ.	оруж.
91	перевязь	Взяли его за перевязь, сорвали, в клочья разлетелся бархатный кафтан.	сущ.	одежд.
92	посад	Приев и выпив кремлевские запасы, стрельцы разошлись по слободам, посадские – по посадкам.	сущ.	адм. ед.
93	дворянин	Худел мелкопоместный дворянин.	сущ.	лиц.
94	бирюч	Софья уехала в село Коломенское и послала бирючей по уездам созывать дворянское ополчение.	сущ.	лиц.
95	мушкет	То он катался на карликовой лошадке, и позади скакали верхом толстые дядьки, то шагал с барабаном впереди ребят, одетых в немецкие кафтаны, с деревянными мушкетами, и опять те же дядьки суетились около, размахивая руками.	сущ.	оруж.
96	запятки	Алексашка сейчас же вильнул к задним колесам, повис на оси, вскарабкался на запятки кареты.	сущ.	трансп.
97	царь	Еще раз перекрестясь с молитвой, отогнул рукав и сел писать	сущ.	лиц.

98	князь	полуустановом: «Божьей милостью, мы, пресветлейший и державнейший великий государь, царь и великий князь Петр Алексеевич, всея Великия и Малыя и Белыя России самодержец...»	сущ.	лиц.
99	чугунок	Василий Волков, гоня на коне вдоль реки, наехал на рыбачий костер, – рыбаки повскакали с испугом, чугунок с ершами опрокинулся в огонь.	сущ.	быт.
100	вотчина	Спорили и лаялись о ценах. Вздыхали – что, мол, вот земля обильна и всего много, а торговля плоха, обширны боярские вотчины, а продавать из них нечего.	сущ.	адм. ед.
101	возок	А в Москве бояре в золотых возках стали ездить.	сущ.	трансп.

ПРИЛОЖЕНИЕ Б. АРХАИЗМЫ В РОМАНЕ А.Н. ТОЛСТОГО «ПЕТР ПЕРВЫЙ»

Авторские сокращения:

- 1) Л – собственно лексический архаизм;
- 2) ЛС – лексико-словообразовательный архаизм;
- 3) ЛФ – лексико-фонетический архаизм;
- 3) СЕМ – семантический архаизм.

Сокращения для названий частей речи:

- 1) сущ. – имя существительное;
- 2) прил. – имя прилагательное;
- 3) глаг. – глагол (включая глагольные формы: прич., дееприч.);
- 4) нар. – наречие;
- 5) мест. – местоимение;
- 6) част. – частица.

Таблица 2. Типы архаизмов в романе А.Н. Толстого «Петр Первый»

№	Словоформа	Контекст употребления	Часть речи	Тип архаизма
1	чада	Чада справили у крыльца малую надобность и жались на обледенелом пороге, хотя мороз и прохватывал.	сущ.	Л

2	люто	«Ой, студено, люто, – сказала Санька»	нар.	Л
3	лаять	«...Рассказывает: Матвеев после обедни при всем народе лаял и срамил нас, Милославских: «Вороны, говорит, на царскую казну слетелись...»		СЕМ
4	срамить		глагол.	Л
5	жалованье	Получили стрелецкое жалованье – двести сорок тысяч рублей, и еще по десяти, сверх того, рублей каждому стрельцу наградных.	сущ.	Л
6	силов	«Силов нет, матушка государыня, не идет сокол-то наш...»	сущ.	ЛС
7	шпынь	С холопами, как холоп, как шпынь ненадобный, бегают по доскам, бесстыдник, – трубка во рту с мерзким зелием, еже есть табак...	сущ.	Л
8	перста	По Москве ходит рыжий поп Филька и, когда соберутся около него, начинает неистовствовать: «Послан-де я от бога учить вас истинной вере, апостолы Петр и Павел мне сродичи. Чтоб вы крестились двумя перстами, а не тремя: в трех-де перстах сидит Кика-бес, сие есть кукиш, в нем вся преисподняя, – кукишом креститесь...»	сущ.	Л
9	лики	Стремительно Петр вскочил, размахивая руками, забегал от озаренных ликов святителей до двери, вкривь и вкось по спальне.	сущ.	Л

10	короваи	«Короваи берите, фонари зажигайте...»	сущ.	ЛФ
11	измаялась	Евдокия измаялась, писавши.	глагол.	Л
12	готоф	«А что изволила мне приказывать, чтоп мне быть в Преображенском, и я быть готоф, только гей гей дело есть: суды все в отделке, за канатами дело стоит...»	сущ.	ЛФ
13	зело	«Гутен таг, мейне хершафтен, – проговорил юношеским баском. (Лефорт уже летел к нему, перегнувшись, одна рука впереди, другая коромыслом – на отлете.) Есть зело хочется... Идем, идем к столу...»	нар.	Л
14	взор	О, взор иностранца остер...	сущ.	Л
15	под сим	И музыка уже весело пела о доброй Германии, где перед чистыми, чистыми окошечками цветет розовый миндаль, добрые папаша и мамаша с добренькими улыбками глядят на Ганса и Гретель, стоящих под сим миндалем, что означает – любовь навек, а когда их солнце склонится за ночную синеву, – с покойным вздохом оба отойдут в могилу...	мест.	Л
16	покойный		прил.	СЕМ
17	кус	Когда о победе написали в Москву, там с облегчением заговорили: «Наконец-то – хоть кус отхватили у Крыма, и то – честь!..»	сущ.	ЛС

18	иттить	«...И намерены завтрашнего дни иттить в путь...»	глагол.	ЛС
19	чело	«А для виду буду писать черными чернилами, где пристойно будет, такие слова: «Пожалуй, поклонись господину моему генералу и побей челом, чтоб пожаловал, не покинул маво домишку»	сущ.	Л
20	пади	Вдруг закричали: «Пади, пади!»	глагол.	ЛФ
21	убрать	На балы могла она убрать себя драгоценностями не хуже других, и на грудь вешала портрет Петра Алексеевича, величиной в малое блюдо, в алмазах.	глагол.	СЕМ
22	старец	«От старца Авраамия, – прошептал Андрей и плотно приложил два перста ко лбу»	сущ.	Л
23	басурмане	Русские люди дивились роскоши турецкой земли: «Все говорят – гололобые-де басурмане, а, смотри, как живут!»	сущ.	Л
24	смад	Одно счастье, – ушли от никонианского смада.	сущ.	Л
25	по здорову	После сего Петр встал – головой под балдахин – и по-русски, раздувая горло, проговорил по старинному чину: – Королус король Свейский по здорову ли?	сущ.	ЛС

26	тятенька	«Да, ах, тятенька...»	сущ.	Л
27	Ржечи Посполитой	«Он умолял султана именем Ржечи Посполитой помочь полякам добыть у русских Украину с Киевом и Полтавой...»	сущ.	ЛФ
28	послабже	«Истинно, государь, народы ослабевают в исполнении и чуть послабже, – думают, что всё-де станет по-старому...»	нар.	ЛС
29	житие	На двадцать третьей конференции Украинцев сказал: «Вот наше последнее слово: жития нам осталось в Цареграде две недели...»	сущ.	Л
30	ляжет	Тут и без войны к ноябрю месяцу ляжет половина народу.	глагол.	СЕМ
31	втуне	«А ведь есть и золото и серебро, есть оно, – лежит втуне...»	нар.	Л
32	жалую	«Оське – на-ка – передай рубль, – жалую, скажи...»	глагол.	Л
33	не тщитесь	«Не тщитесь тем, что, изведя крамолу, привели в мир люди и веси...»	глагол.	Л
34	титл	«Постоянно у меня во дворце иностранцы, – спрашивают первым делом, на ком женат, какой мой титл?»	сущ.	ЛФ

35	выход	«Конечно – не для большого выхода, а для рощи, для луга, для забав».	сущ.	СЕМ
36	не видал	«А боярышни не знаю где, не видал...»	сущ.	ЛС
37	наперед	Четвертая молодая женщина стояла поодаль, скромно сложив наперед опущенные руки, улыбаясь свежим, как вишня, лукавым ртом, и глаза у нее были вишневые, легко вспыхивающие, женские.	нар.	ЛС
38	летось	«И то ведь оттого, что летось догадались – сами на огороде посадили».	нар.	Л
39	худородные	За столом были и не одни худородные: по левую руку Петра Алексеевича сидел Роман Брюс – рыжий шотландец, королевского рода, с костлявым лицом и тонкими губами, сложенными свирепо, – математик и читатель книг, так же, как и брат его Яков...	прил.	Л
40	крику	Больше всего споров и крику было из-за выдачи провианта и фуража, – кто у кого больше перетянул.	сущ.	ЛС
41	матроз	«Отдай лошадь матрозу, садись в лодку, – сказал он Ягужинскому и вдруг закричал на него: – Зайди в воду, видишь мы – на мели, отпихни лодку, потом прыгай».	сущ.	ЛФ
42	изволят	«Ваше королевское величество изволят принять завтрак, – сказал барон Беркенгельм, изящно холеной	глагол.	Л

		рукой указывая на откинутае полотнища шатра».		
43	сквернейшее	Чтобы не ложиться спать на пустой желудок, королю Августу приходилось принимать приглашения на ужины от местных помещиков, говорить французские комплименты захоластным дамам и пить сквернейшее вино.	прил.	Л
44	для бережения	«Огородились мы только телегами да рогатками, не прикажешь ли еще для бережения и рвы копать, ставить палисады? – спросил князь Аникита Иванович Репнин».	сущ.	ЛС
45	в закроме	У пани Анны не закружилась голова, как у дурочки; острый ум ее стал шнырять, как мышь в темном закроме; все надо было обдумать и предвидеть.	сущ.	ЛС
46	дева	Остановились у колодца поить, – увидели деву лет шестнадцати с толстой косой, в берестяном кокошнике, убранном голубой бусинкой на каждом зубчике, до того милovidную – только вылезти из телеги и поцеловать в губы.	сущ.	Л
47	лихо	«У нас все слава богу, лихо-беда идут мимо двора...»	сущ.	Л
48	червлен	Да на первом же листе ниже писано: «Во имя отца и сына и святого духа... Есть трава именем железка, растет на падах и палях, собой мала, по сторонам	прил.	Л

		девять листочков, наверху три цвета – червлен, багров, синь, та трава вельми сильна, – рвать ее, когда молодой месяц, столочь, сварить и пить трижды, – узришь при себе водных и воздушных демонов...»		
49	украины	Императору, королям английскому и французскому посланы грамоты, что-де «божьем промыслом вернули мы нашу древнюю вотчину – городок Юрьев, поставленный семьсот лет тому назад великим князем Ярославом Владимировичем для обороны украин русской земли...»	сущ.	ЛФ
50	неужто	«Неужто – жив?» – обрадовался...	част.	Л
51	давеча	«Давеча, лопни мои глаза, вот напужалась... У порога – сор, а на сору – веник...»	нар.	Л
52	напужалась		глагол.	ЛФ
53	поверстан	Землю этой Василий, сын Волков, в позапрошлом году был поверстан в отвод от отца, московского служилого дворянина.	глагол. (кр. прич.)	Л
54	дивно	Иду и робею и – дивно, ну, будто, во сне...	нар.	Л
55	наказ	Что ни год – новый наказ, новые деньги – кормовые, дорожные, дани и оброки.	сущ.	Л

56	посули	Уговори, посули им милости, – того гляди, во дворец ворвутся...	глагол.	Л
57	скажут	«Кого же теперь царем-то скажут?»	глагол.	СЕМ
58	сказывал	«Человек этот сказывал, – быть смуте...»	глагол.	ЛС
59	сыне	«Господи Иисусе Христе, сыне божий, помилуй нас...»	сущ.	ЛС
60	душ	Дворовых холопей у Волкова было всего пятнадцать душ, да и те перебивались с хлеба на квас.	сущ.	СЕМ
61	добрый	А надо было по верстке быть на государевой службе на коне добром, в панцире, с саблей, с пищалью и вести с собой ратников, троих мужиков на конях же, в тегилеях, в саблях, в саадаках...	прил.	СЕМ
62	ратники		сущ.	Л
63	полденьги	– Почем, дяденька? – Полденьги пара. Язык проглотишь.	сущ.	СЕМ
64	к устам	Немец нагнулся к его бескровным устам: Федор Алексеевич невнятно, одним дуновением произносил по-латыни вирши.	сущ.	Л
65	вирши		сущ.	Л
66	согбенно	У заиндевелого окна, где в круглых стеклышках играл лунный свет, сидел на раскладном итальянском стуле патриарх Иоаким, суровый и восковой, в	прил.	Л

		черной мантии и клобуке с белым восьмиконечным крестом, сидел согбенно и неподвижно, как видение смерти.		
67	князюшко	«И владыко и мы твоего слова ждем, князюшко...»	сущ.	ЛС
68	кричать	– У нас ножи взяты и панцыри под платьем... Что ж, кричать Петра? – Идите на крыльцо, к народу. Туда патриарх выйдет, там и крикнем... А станут кричать Ивана Алексеевича, – бейте воров ножами...	глагол.	СЕМ
69	казни	«По писанию будет так: казни сына от юности его, и покоит тя на старость твою. И не ослабляй, бия младенца; аще бо жезлом биеша его, не умрет, но здоровее будет; учащай ему раны – бо душу избавляеши от смерти...»	глагол.	СЕМ
70	тя		мест.	ЛС
71	бия		глагол. (дееприч.)	ЛС
72	без пастыря	Стадо без пастыря – пища сатаны...	сущ.	Л
73	смерднѣй	И далее: «Кто ты, никониан? Кал еси, вонь еси, пес еси смерднѣй...»	прил.	Л
74	тешиться	«Друг мой, Иларион, архиепископ рязанской. Видишь ли, как Мелхиседек жил. На вороных в каретах не тешился, ездя».	глагол.	Л

75	черницы	«В карету садишься, растопыришься, что пузырь на воде, сидя в карете на подушке, расчесав волосы, что девка, да и едешь, выставя рожу по площади, чтоб черницы-ворухи любили»	сущ.	Л
76	исусову	За дверью произнесли исусову молитву.	прил.	ЛС
77	давешний	Около Алешки присел на корточки давешний мальчик, – кого только что пороли.	прил.	Л
78	стряпухе	«Васёнка, тятке ничего не говори, – скороговоркой сказал Алексашка низенькой бабе-стряпухе»	сущ.	Л
79	намедни	«Намедни у Серпуховских ворот видел, – цыгане стоят табором, с медведями».	нар.	Л
80	толкуют	Толкуют о делах: дела ныне такие, что в затылке начешемся.	глагол.	Л
81	ныне		нар.	Л
82	сродственник	«Ныне друг за тобой придет, сродственник, или жена прибежит, уведет, куда душу не пропил»	сущ.	ЛС
83	за ворванью	«Я с Поморья, – сказал бойко, – ездил за ворванью»	сущ.	Л
84	поладнее	Почесываясь, обулись поладнее.	прил.	Л

85	главы	Вся площадь от Иверской до белого, на синем цоколе, с синими главами, Василия Блаженного была пустынна.	сущ.	ЛФ
86	испужался	«А то царь увидел вас сверху, испужался по малолетству, нас послал разузнать»	глагол.	ЛФ
87	свистал	Алексашка Меншиков, прыгая по саням, свистал в два пальца.	глагол.	ЛФ
88	убили	«Убили меня, – сказал он кривой бабе. – Кто бил, за что, не помню»	глагол.	СЕМ
89	уворуешь	«Так ведь уйдешь с деньгами-то, уворуешь...»	глагол.	ЛС
90	в колодезь	«Но уж – если Наталья Кирилловна крови захотела, – будет ей кровь... Либо всем вам головы прочь, а я в колодезь кинусь...»	сущ.	ЛФ
91	в мыльню	Водили в царскую мыльню – баню для народа на Москва-реке, – не столько париться, сколько поглядеть, посмеяться, когда в общий предбанник из облаков пара выскакивают голые бабы, прикрываясь вениками.	сущ.	Л
92	отрок	В просторных, теплых сенях, убранных по лавкам звериными шкурами, встретил его красивый, как пряник, отрок в атласной рубашке, сафьянных чудных сапожках.	сущ.	Л

93	серчает	Пускай серчает царица Наталья.	глагол.	Л
94	цифирный	Медленно вертится расписанный розами цифирный круг на стоячих часах.	прил.	ЛФ
95	шкапчик	Задернут пеленою книжный шкапчик: великий пост – не до книг, не до забав.	сущ.	ЛФ
96	в ризах	Скрипнула половица. Софья вскинулась, пронзительно глядя на дверь, будто влетит, сейчас в золотых ризах огненнокрылый погубитель.	сущ.	Л
97	чрево	Иван Михайлович вытянул насколько возможно бороду и губы, – ближе подступить мешало ему чрево.	сущ.	Л
98	вьюноша	Бояре, поднося ко рту платочек, с усмешкой поглядывали на него: несуразный вьюноша, и стоять не может, топчется, как гусь, косялапо, шею не держит...	сущ.	ЛФ